

Марина Алиева

Орелинская сага

КНИГА ВТОРАЯ

Марина Алиева

Орелинская сага. Книга вторая

«Издательские решения»

Алиева М.

Орелинская сага. Книга вторая / М. Алиева — «Издательские решения»,

Случайно брошенное проклятие свяжет воедино столетнюю историю людей бескрылых с историей крылатых людей, потерявших однажды всех своих правителей. Поиски этих последних приведут на землю крылатого юношу, который во множестве приключений разыщет семерых столетних старцев, но вместе с тем обретёт и самого себя и найдёт ответы на многие вопросы, заданные ему Судьбой. Что даёт человеку владение крыльями? Величие, преимущество, одинокую жизнь изгоя или счастливую возможность обрести Знание?

© Алиева М.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Орелинская сага

Книга вторая

Марина Алиева

© Марина Алиева, 2015

Редактор Наталья Урсалов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

День, когда Донахтир с братьями и старейшинами вернулся из Гнездовища в Главнейший город, стал воистину знаменательным в жизни орелей.

Собравшиеся на площади в момент отлета Великого Иглона, ожидали его возвращения, не желая расходиться по гнездовинам. С рассветом они начали волноваться, и даже старейшины, которые не полетели и оставались в городе, стараясь успокоить и подбодрить толпу, не могли скрыть растущего беспокойства. Но когда стали раздаваться первые робкие предположения о том, что надо, наверное, лететь на помощь, на площадку перед дворцом опустился гонец из Нижнего города с сообщением, что Великий Иглон возвращается.

Ликованию орелей не было предела! Все они, в едином порыве, взмыли в воздух, высматривая своего Правителя, и когда в полуденных лучах яркого солнца засверкали серебристые одежды возвращающихся, вся парящая над площадью толпа приветственно закричала и замаяла руками.

Донахтир, совершенно измученный бессонной волнительной ночью и долгим перелетом, был несказанно тронут такой встречей. Улыбаясь, он сделал орелям знак опуститься и, когда все были готовы его слушать, в двух словах поведал своему народу о том, что они увидели и узнали в Гнездовище. Правитель также пообещал, что старейшины, после того, как отдохнут, расскажут обо всем подробнее.

Новость поразила орелей! Никто не ожидал, что Генульф с Рофаной выжили, да еще и оставили потомство столь обширное, что образовалось целое поселение! Все сомнения и разногласия относительно детей Дормата сами собой отошли на второй план, и, пока летавшие к поселению правители и старейшины отдыхали, во всех гнездовинах строились предположения о том, как теперь будут складываться отношения со вновь приобретенными родичами.

Во всех, кроме одной. Той, которой возвращение Великого Иглона принесло только разочарование. И хотя Донахтир, отложив свой отдых, первым делом направился в гнездовину, где гостили родители Тихтольна, и, скрывая смущение, добросовестно пересказал ложь, сочиненную им вместе со Стариком, утешения его рассказ не принес. Мать юноши, до последнего мгновения не терявшая надежды обнять сына, залилась слезами, говоря о тяжелых предчувствиях, терзающих её сердце, а отец, тоже готовый вот-вот расплакаться, лишь низко поклонился Великому Иглому, благодаря за оказанную честь.

С тяжелым сердцем возвратился Донахтир после этого визита в свой дворец, и сон, которым он забылся, был мрачен и безрадостен.

Но новый день принес новые заботы. Уже утром следующего дня Правитель возглавил Совет, на котором присутствовали его братья и все старейшины Шести Городов, призванные решить вопрос о Гнездовище.

Решали недолго. Восторг, который вызвал у присутствующих уклад жизни поселян, их орудия труда, одежда, и прочие диковинные отличия, сам собой привел к однозначному решению. Постановили впредь поддерживать с Гнездовищем самую тесную связь и позволить всем орелям без ограничений летать туда, равно как и приглашать новых сородичей к себе в гости, если они того пожелают. Решение Совета огласили в Шести Городах, и не нашлось никого, кто счел бы его неразумным.

Однако, в ближайшие дни, вопреки ожиданиям и тайным опасениям Великого Иглона, массового паломничества в Гнездовище не началось. Осторожные орели выжидали. Всем было известно, что наммы-ткачи всех городов срочно плетут крепкие сети, и сотня самых сильных орелинов из числа разведчиков, во главе с сыном Ольфана – старого Иглона Восточного города – готовятся лететь в поселение с приглашением от Донахтира. Правитель самым сер-

дечным образом предлагал старейшине Гнездовища посетить Сверкающую Вершину и взять с собой столько сопровождающих, сколько рофины сумеют унести.

Поскольку Метафта – мать Нафина – после его исчезновения совершенно потеряла интерес к жизни, обязанности старейшины взял на себя её брат Торлиф. Он и полетел к Сверкающей Вершине в сопровождении девяти добровольцев. В их число входил и соперник Нафина Кантальф, и изнывавшая от любопытства Сольвена. Родители ни за что не хотели её отпускать, но перед отлетом произошла досадная заминка. Старик, в желании которого посетить Сверкающую Вершину никто не сомневался, и на которого рассчитывали, как на единственного знающего орелинский язык, вдруг наотрез оказался лететь, заявив, что еще успеет насмотреться на Шесть Городов. Заменить его желающих не нашлось, и Торлиф, которому было ужасно неловко перед сверкающими гостями за задержку, позволил девушке занять место Старика, пообещав её родителям, что лично за ней присмотрит.

Процессия летела долго, с частыми остановками, несмотря на то, что каждого поселянина несло по пять рофинов, и еще пятеро находились рядом, готовые в любой момент сменить тех, кто устанет. Не умеющие летать Нижние орели, (так их стали называть жители Сверкающей Вершины), еле скрывали свой страх перед той высотой, на которой оказались и, цепко держась за сети, казавшиеся им очень ненадежными, едва взглядывали вниз на далекие острые пики покрытых снегом скал. У Торлифа несколько раз возникало страстное желание вернуться, но он не осмеливался об этом сказать. К тому же орели его вряд ли поняли бы. И старейшина Гнездовища снова и снова начинал себя ругать за то, что не настоял на участии Старика в этом полете. Ну, как они теперь будут общаться с этими Высшими орелями?!

Однако все страхи и сомнения мгновенно улетучились, стоило поселянам увидеть Нижний город!

Гости, конечно, понимали, что их ожидает нечто необыкновенное, но открывшееся великолепие совершенно их потрясло! Многоярусные гнездовины с резными террасами, огромные площади, окруженные галереями, такими легкими и воздушными, благодаря тонким колоннам и соединяющим их ажурным аркам, все это казалось чем-то невероятным! Каменные стелы тянулись ввысь, словно затем, чтобы и небесные светила могли полюбоваться украшающими их рисунками. И повсюду, где бы гости ни появлялись, их приветствовали толпы орелей.

Иглон Нижнего города – Фартультих – лично показывал поселянам все, что могло их заинтересовать. Он везде ходил с ними пешком, прибегая к помощи крыльев лишь в тех местах, где и гостей приходилось переносить на сетях. Но и все остальные орели старались не особенно щеголять своими возможностями, с сочувствием поглядывая на небольшие и бесполезные крылья гостей. Те поначалу смущались, но очень скоро невиданная доселе красота орелинского города заставила их позабыть обо всем.

Местные жители жестами объясняли назначение той или иной комнаты, вещи, приспособления, и, видя растущий восторг в глазах поселян, чувствовали, что их сердца переполняют благодарность и гордость. И вскоре стремление поразить еще больше и без того изумленных гостей привело к тому, что от желающих что-либо подарить или показать не стало отбоя. Фартультиху стоило немалых трудов успокоить своих подданных и убедить их отпустить гостей налегке. Им предстоял еще перелет в Главнейший город, где Великий Иглон приготовил множество подарков, и вряд ли даже две сотни рофинов смогут унести все это обратно в Гнездовище.

Тут и опомнившийся, наконец, Торлиф попросил, чтобы и ему дали слово. Еще дома, сразу после визита Великого Иглона, он уговорил Старика научить его хоть каким-то орелинским словам, и теперь, с большим трудом вспоминая наспех заученное и заполняя пробелы выразительной жестикуляцией, старейшина Гнездовища, как сумел, выразил благодарность за сердечный прием и пригласил всех жителей Нижнего города в гости в их поселение.

Его поняли, одобрительно закричали и замахали руками, а потом все же завалили рофинов подарками для гостей. И когда утром следующего дня отдохнувшие поселяне отправились в Главнейший город, следом за ними десять рофинов тащили довольно объемистый узел. А чуть поодаль несколько местных жителей тащили еще один такой же. Их специально отправили следом в качестве помощников и заодно, чтобы они могли посмотреть и рассказать какое впечатление произведет на гостей более крупный Восточный город.

Излишне, наверное, говорить, что и там все повторилось. Восхищение в глазах Торлифа и его спутников еще больше расположило к ним орелей Главнейшего города, и без того настроенных дружелюбно. Они повсюду следовали за прибывшими поселянами, рассматривали их крылья, одежду, старались незаметно до неё дотронуться и безмерно завидовали потомкам братьев и сестер Рофаны, которые на правах ближайших родственников пошли с гостями во дворец.

Донахтир и Форфан – Иглон Восточного города – сердечно встретили Нижних орелей. Правитель сам поднес Торлифу чашу с Серебряной водой, чтобы подкрепить силы. Старейшина Гнездовища сделал глоток и, хотя угощение показалось ему совершенно безвкусным, низко поклонился в знак благодарности и допил чашу до дна. Втайне он пожалел, что не взял из дома побольше еды, запасы которой закончились еще в Нижнем городе, и опасался, что долго на этой воде они не протянут. Но, когда спустя некоторое время почувствовал как голод отступил, решил, что в этой орелинской пище что-то есть. Остальные тоже, кажется, так же подумали, потому что до самого отлета в Гнездовище с большой охотой прикладывались к сосудам с Серебряной Водой, так, что даже начали находить её приятной на вкус.

Между тем желание еще больше поразить и без того не верящих глазам гостей не обошло и Великого Иглона. Видя с каким благоговением рассматривают поселяне письма и рисунки, он решил отвести их в Галерею Памяти.

Вид бесконечного тоннеля, заполненного гигантскими плитами с отраженной на них историей орелей, действительно превзошел все виденное до сих пор. Но, вместо того, чтобы возрадоваться и ощутить гордость, что являются частью такого могущественного и прекрасного племени с вековой историей, несчастные жители Гнездовища почувствовали себя совершенно раздавленными. Не верилось, что все эти блистательные орели, да еще умеющие летать и живущие почти что на небе, воспримут их равными себе. И поэтому, когда удивленный Донахтир, заметив печаль на лице Торлифа, кое-как, жестами, попытался выяснить, что могло так опечалить гостя, тот притворился, что не понял вопрос.

Хорошее настроение ненадолго вернулось к нему в городе, где старейшина наммов, попросив разрешения осмотреть его одежду, долго и восхищенно цокал языком. Но потом поселянин снова загрустил. И, возвращаясь домой, никак не мог заставить себя веселиться и оживленно обсуждать увиденное, подобно своим сородичам. Собственное ничтожество грызло Торлифа. Даже вид Гнездовища, которое снилось ему во все время пребывания на Сверкающей Вершине, не смогло развеять этой тоски.

Торлиф затаился.

Он никому не сказал о своих переживаниях. И когда, спустя совсем немного времени, в Гнездовище стали прилетать блистательные радостные орели, он видел в их расположении и дружелюбии лишь снисходительность. Они могли сколько угодно восторгаться укладом жизни в его поселении, ахать при виде травы и деревьев, просить научить их пользоваться орудиями труда, но стоило Торлифу вспомнить великолепие орелинских городов и величественные, бесконечные плиты, испещренные письмами, как в голосах гостей начинала слышаться насмешка и фальшь.

К несчастью, никто в Гнездовище не знал, какие чувства владеют их старейшиной. Ничего не замечали и те, кто прилетал с Вершины. Связи между теми и другими становились все прочнее, и уже не было в поселении никого, (если не считать Старика и Метафту, добро-

вольно заключивших себя в своих гнездовинах), кто не посетил хотя бы один из Шести Городов.

Уже на столы, помимо привычной пищи, стали выставлять сосуды с Серебряной Водой. И если сначала это было лишь диковинным угощением, то, по мере того, как прилетающие оставались погостить на все более долгие сроки, потребность в Воды стала жизненно необходима, и её исправно доставляли со Сверкающей Вершины. А вскоре и чашу, выдолбленную Генульфом для дождевой воды, хорошенько высушили, сделали над ней навес, и Серебряная Вода заполнила её до краев.

Так проходили дни, незаметные среди множества перемен. Эти дни сложились в месяцы; месяцы – в год, и вот уже в Гнездовище заключили первый брачный союз между молодым орелином со Сверкающей Вершины и местной девушкой.

Торлиф, как обычно растянувший губы в приветливой улыбке, сам руководил постройкой гнездовины для молодой семьи, и сам же проводил их туда после свадьбы. Но в душе он по-прежнему мечтал об одном: чтобы время повернулось вспять, и он снова жил бы, как прежде, ничего не зная об орелях со Сверкающей Вершины.

* * *

Лоренхольд не спешил вновь посещать Гнездовище. Это в свите Великого Иглона он готов был лететь туда быстрее ветра, чтобы поскорее обнять своего двоюродного брата и сказать ему, что можно вернуться домой. Но, когда стало известно, что Тихтольна в поселении нет и не было, Лоренхольд потерял к этому месту всякий интерес.

В то, что его брата там действительно никто не видел, орель поверил сразу. Перед глазами так и стояло лицо того мальчишки, который обнаружил их тем злополучным утром. Изумление, восторг, неверие собственным глазам... Все то же самое Лоренхольд увидел и на лицах поселян, тех, что вышли встречать Великого Иглона. А, значит, никого подобного они прежде не видали.

Но, где же тогда Тихтольн?!

Конечно, был еще тот самый мальчишка... Как там его звали?... Нарин?... Нафин?... Впрочем, это неважно! Главное, что он тоже исчез, и в тот же день!

Правитель, когда орели возвращались домой, кое-что порассказал об этом парне. По словам его сородичей выходило, что летающий мальчишка был просто одержим идеей повидать другую жизнь. Но о том же самом всегда мечтал и Тихтольн. Значит, разумно было бы предположить, что они встретились где-то в горах над Гнездовищем и решили улететь вместе. Тихтольн считал себя изгоем, а мальчишка просто обрадовался, что у него теперь есть спутник...

Но что-то мешало Лоренхольду думать так благостно.

Опасения за брата и непреходящее чувство вины перед ним сделали его очень наблюдательным. В отличие от других он, например, заметил, что Великий Иглон рассказывал о парне из Гнездовища так, словно боялся сказать больше чем нужно. Он запнулся, когда упомянул, что мальчишка выучил орелинский и сразу же перевел разговор на другое. Зачем? Затем, чтобы никто не спросил, для чего этому парню знать язык орелей? Но этому есть очень простое объяснение – мальчик умел летать, хотел увидеть другую жизнь и собирался когда-нибудь долететь до Сверкающей Вершины, о которой слышал от Старика. Но Правитель запнулся и перевел разговор. Значит, он знает другую причину, по которой мальчишка учил язык, и об этой причине орелям, по его мнению, лучше не знать! А раз так, то жизнь Тихтольна может быть по-прежнему в опасности! Не зря же его мать терзают дурные предчувствия. Да и самому Лоренхольду, с того дня, как он вернулся, тоже как-то не по себе.

Ото всех сомнений и туманных догадок его отношение к Гнездовищу словно раздвоилось. С одной стороны, делать там было нечего. Дерзкий полет с Тихтольном во времена

запрета был увлекательным приключением. Но приключение обернулось большой бедой, и теперь, когда летать к поселению разрешили, путь туда и само это место вызывали одни лишь тягостные воспоминания.

Но, с другой стороны, Лоренхольда очень интересовало все, что касалось Гнездовища. Он буквально по пятам ходил за Торлифом и его спутниками, когда те гостили в Восточном городе. Присматривался, следил за каждым их шагом, и, если бы кто-нибудь спросил, зачем он это делает, Лоренхольд не нашелся бы что ответить. Он совершенно замучил расспросами тех, кто летал в Гнездовище, требуя подробного рассказа о самых незначительных вещах. И слушал очень внимательно, впитывая каждое слово, но все равно уходил неудовлетворенным. Словно ему, изголодавшемуся, давали Серебряную Воду с ладошки.

В конце концов, рассказчикам надоело уточнять каждое слово, и Лоренхольду посоветовали слетать самому, чтобы все рассмотреть. В ответ он замкнулся и стал молча наблюдать, как сначала поодиночке, а потом и целыми семьями, орели летали в Гнездовище, заводя там знакомства и дружеские связи.

У иширов, которые быстро сообразили какой обмен может начаться между Нижними орелями и Верхними, Лоренхольд, неизвестно зачем, выменял две свои самые красивые пряжки на пару совершенно бесполезных ему вещей из поселения и долго рассматривал их в своей гнездовине.

Тайна, тайна!... Она совершенно измучила ореля. Особенно тем, что поговорить было совершенно не с кем. Разве можно было здесь кому-либо сказать, что Великий Иглон что-то скрывает! Немыслимо! А кому скажешь, что заплаканная мать исчезнувшего мальчишки горюет слишком уж сильно?! Она словно знает наверняка – непоправимое случилось! Тогда как даже мать Тихтольна, несмотря на дурные предчувствия, еще надеется когда-нибудь обнять сына. Разве поймет кто-нибудь почему странноватый Старик, который, судя по крыльям, тоже способен летать, внушает ему, Лоренхольду, непонятный ужас!... Да юношу просто поднимут на смех и посоветуют не искать огня в потухшем вулкане. Но он уверен – страшный Старик наверняка знает что-то очень важное. Важное для всех! И про Тихтольна он знает, и про сбежавшего мальчишку... А еще он знает откуда взялся тот обломок, на котором выбито изображение облака, уносящего орелинское яйцо!

Лоренхольд был уверен, что этот обломок не единственный, что есть и другие, и что они, возможно, составляют тайну, которую хранит Старик, и которую кто-то пытался уничтожить. А потом она неведомыми путями стала известна тому, летающему мальчишке, который и из Гнездовища сбежал, скорей всего, из-за неё... Может быть, он даже открыл её и Тихтольну...

Или все было хуже, и Тихтольн сам что-то нашел, а мальчишка – всего лишь хранитель тайны, как и Старик – заманил его в ловушку и теперь удерживает там, оставаясь рядом в качестве охраны?... Что же, в таком случае, скрывает Великий Иглон?!

От подобных мыслей голова шла кругом, и для того, чтобы хоть немного отвлечься, Лоренхольд вылетал из гнездовины и подолгу парил над городом, наблюдая за его жизнью.

Но отвлечься становилось все труднее и труднее.

Гнездовище сделалось очень популярным на Сверкающей Вершине. Уже многие молодые орели обзавелись одеждой, сплетенной поселянами, и щеголяли в ней, уверяя всех, что им так очень удобно.

Даже сестры Лоренхольда все реже одевали орелинские платья. Они без конца летали к Нижним орелям, а по возвращении подолгу хихикали и шептались в своей комнате.

Конечно, верные традициям старики, недовольно ворчали, но ход событий уже невозможно было ни остановить, ни повернуть вспять.

Скоро пришло известие, что какой-то орелин из Нижнего города женился на девушке из Гнездовища. И когда первое удивление улеглось, выяснилось, что многие были бы не прочь

породниться с Нижними орелями. Совсем немного времени потребовалось, чтобы в каждом из Шести Городов возникла одна, а то и две, три смешанные пары. Была такая и в Восточном городе. Её составили одна из сестер Лоренхольда и улыбчивый юноша из Гнездовища. Сам Лоренхольд, слишком занятый своими мыслями, чтобы что-либо замечать, узнал об этом последним в семье, и теперь ему ничего уже не оставалось, кроме как лететь в пугающее поселение, чтобы присутствовать на свадьбе сестры.

* * *

Когда в Гнездовище двое орелей собираются жить вместе, они сообщают о своем намерении родным и близким, и те, всем миром, начинают строить новую гнездовину для молодой семьи. Строительство это завершалось веселым пиршеством, которое и определяло первый день совместной жизни молодых.

Схожесть этого обычая не слишком удивила орелей со Сверкающей Вершины – все-таки у них были общие родовые корни. Вот только для строительства новой гнездовины в Шести Городах приглашали лучших леппов, которые потом становились почетными гостями пиршества.

Геста – сестра Лоренхольда – выразила желание остаться жить в Гнездовище, вместе с не умеющим летать мужем. Поэтому новый дом им устраивали там, в самом конце единственной улицы, ради чего родственникам невесты пришлось отправиться в поселение задолго до свадьбы.

Лоренхольд полетел с отцом – Зорсином. Оба они были леппами, и кому же, как не им, ближайшим родственникам и неплохим ремесленникам, нужно было заниматься постройкой жилья для сестры и дочери. Вместе с отцом Крина – того самого улыбчивого юноши – Зорсин выбрал место для будущей постройки и занялся отбором камней. А родственники жениха, со знанием дела, приступили к её разметке.

Дело шло очень быстро. Лоренхольд с отцом и младшим братом Крина обтесывали камни, придавая им нужную форму, а остальные ловко выкладывали их по давно заведенному порядку. Зорсин не переставал удивляться мастерству строителей Гнездовища. Он уже бывал здесь раньше, но то, как Нижние орели строят свое жилье, видел впервые. Он подробно расспрашивал об их способе подгонки камней, об орудиях труда, о материале, которым гнездовину покрывают, и без конца толкал Лоренхольда в бок, призывая восхищаться вместе с ним. Но Лоренхольд только пожимал плечами. Его понемногу начинало раздражать повальное увлечение Гнездовищем. В последний раз он был здесь с Великим Иглоном в тот горестный для него и знаменательный для всех остальных день. И, прилетев теперь, нашел, что в поселении многое переменилось. Гнездовин стало больше, от главной улицы, в разные стороны, начали расти две новые, да и население значительно увеличилось за счет поналетевших со Сверкающей Вершины орелей. Теперь только по крыльям можно было определить, кто откуда. Все же остальное перемешалось – и одежды, и язык. Среди молодежи стало считаться особым шиком вставлять в свою речь слова, а то и целые фразы, из другого языка. Все прекрасно ладили между собой, и только Лоренхольд продолжал с недоверием относиться к поселянам.

Старика он нигде не видел, но всякий раз, когда отец посылал его к чаше за Серебряной Водой, проходил мимо древней гнездовины весь сжимаясь от непонятного страха. Лоренхольду казалось, что Старик следит за ним, потому что чувствует все его подозрения и опасается, как бы Лоренхольд не проник в проклятую тайну. Уверенность в этом особенно окрепла, когда в одну из ночей, мучаясь ставшей уже привычной бессонницей, юноша вышел на улицу из недостроенной гнездовины, в которой предпочитал ночевать, и увидел парящую в небе фигуру. Старик кружил над Гнездовищем словно призрачный страж, освещаемый тусклой луной. От подобного зрелища молодому человеку стало совсем уж не по себе. «Точно, сле-

дит, – подумалось ему. – Зачем летать ночью, да еще в его-то годы? Нет, он очень непростой, этот Старик. И наверняка знает, где Тихтольн... Он вообще много чего знает такого, о чем я тоже хотел бы узнать. Ах, чего бы я только ни отдал, чтобы услышать их разговор с Великим Иглоном!...»

С тех пор Лоренхольд каждую ночь выходил и тайно наблюдал за полетами Старика, надеясь высмотреть какое-нибудь место, где могут храниться секреты, столь ревностно охраняемые. Но Старик просто очерчивал круги в ночном небе и ни разу никуда не опустился. Зато на пятую или шестую ночь он приветливо помахал рукой Лоренхольду, считавшему, что он очень хорошо укрыт тенью деревьев... Юноша немедленно забился обратно в гнездовину, где всю ночь потом дрожал от страха и стыда.

Дни, между тем, пролетали один за другим, и очень скоро жилье для новой семьи было готово. Пиршество решили устроить на улице, прямо здесь же. Целый день жители Гнездовища и приглашенные Летающие орели убирали обломки камней, оставшихся после строительства, мостили деревянные столы в длиннющий ряд и расставляли на них заготовленные угощения. Орелины, все, какие были, и сама Геста, беспрестанно ахая и заливаясь счастливым смехом, убирали и украшали гнездовину внутри. Все шумели, весело толкались, рассаживаясь за столами, в итоге растерянный Лоренхольд и сам не заметил, как оказался сидящим далеко от родителей и сестры. С одной стороны его подпирала дородная орелина, а с другой оживленно вертящаяся девушка, лицо которой показалось смутно знакомым. Пару раз Лоренхольд бросил на неё любопытствующий взгляд, стараясь определить, где мог видеть эту девушку, но она расценила его интерес по-своему и кокетливо улыбнулась.

– Я просто хотел понять, где мог видеть тебя раньше, – краснея, объяснил свои взгляды Лоренхольд.

– Видел раньше? – девушка, похоже, ему совсем не поверила. – Но мы точно не встречались – я бы тебя запомнила. Ты кто?

– Брат невесты.

– Да ну! Тот самый нелюдимый брат, который ни в какую не хотел прилетать в Гнездовище? – девушка весело рассмеялась. – Знаю, знаю, Геста мне рассказывала. Но почему же ты сидишь так далеко от неё? Или специально сел тут, чтобы познакомиться со мной?

Ей, похоже, было очень весело, но Лоренхольд потерялся окончательно и, чувствуя, что не перестает краснеть, отвернулся. С преувеличенным вниманием он слушал речь Торлифа, обращенную к Гесте и Крину, когда рука девушки осторожно легла на его руку.

– Торлиф всегда говорит одно и то же, – прошептала она. – Давай лучше поболтаем. Обещаю, что не буду больше глупо шутить и смущать тебя. Меня зовут Сольвена. А как твое имя?

– Лоренхольд.

– Лоренхольд? Как длинно! – девушка снова кокетливо улыбнулась. – Я слышала, что у вас принято давать такие длинные имена первому ребенку в семье, значит ты – старший сын?

– Да. Хотя этот древний обычай уже давно соблюдают не так ревностно, как прежде. Странно, что ты вообще о нем узнала.

– А я любопытная.

И тут Лоренхольда осенило.

– А ведь я вспомнил! – воскликнул он. – Вспомнил, где видел тебя! Ты была одной из первых поселян, которые прилетали по приглашению Великого Иглона. Я еще тогда удивился – такая молодая девушка и не побоялась перелета...

– Верно.

Сольвена шутливо приосанилась, но тут же снова рассмеялась.

– Представляешь, родители ни в какую не хотели меня отпускать – боялись. Но Старик отказался лететь, и кто-то должен был занять его место, а кроме меня никто больше не захотел... Но я совсем не боялась. Это было так любопытно!

– Старик? – задумчиво пробормотал Лоренхольд. – Я правильно понял – это тот отшельник с большими крыльями, говорящий на орелинском?

– Ну да. Его здесь все зовут просто Старик, и я уже не знаю, помнит ли он сам свое настоящее имя. Он живет в самой первой гнездовине у подножия скалы, там, где чаша...

– Знаю. И гнездовину эту видел, и Старика вашего. Я был здесь в свите Великого Иглона в тот самый первый прилет, так что мы с тобой в чем-то похожи.

Лоренхольд сказал это просто так, из вежливости, но про себя подумал, что сходства, конечно же, никакого. Сольвене было просто любопытно, а ему, будь его воля, век бы не прилетать сюда, ни теперь, ни раньше.

Но девушка посмотрела на него с уважением и интересом.

– Я и не знала, что у Крина будут такие высокородные родичи. В свите вашего Великого Иглона были тогда только самые знатные орели.

Лоренхольд хотел, было ответить, что является простым леппом, но промолчал. Ведь скажи он так, пришлось бы объяснять этой девушке, что простой лепп делал в столь избранном обществе, да еще, чего доброго, рассказывать историю с Тихтольном, а делать этого ему не хотелось.

Но тут все за столом вдруг почему-то замолчали и посмотрели на дорогу. Там тихо и безучастно ко всему проходила пожилая орелина с сосудом в руках. Лоренхольд сразу узнал в ней мать сбежавшего мальчишки и поразился тому, как сильно она постарела за прошедшие месяцы.

Повисла тишина. Сидящие за столом провожали глазами печальную фигуру. Кое-кто стал перешептываться, и Сольвена, склонившись к Лоренхольду, тоже зашептала:

– Это Метафта, мать Нафина, того самого, который улетел из Гнездовища за несколько дней до вашего появления. Здесь все считают, что он погиб.

– А ты? Ты разве так не считаешь?

– Я – нет. У вас ведь тоже пропал кто-то в те дни, верно? Так вот, я точно знаю, что они улетели вместе.

Лоренхольд так и подскочил.

– Знаешь точно?! Откуда?! Ты видела их вместе? Расскажи!

Но Сольвена только улыбнулась.

– Лоренхольд, сейчас свадьба, а ты просишь рассказать о вещах грустных и мне очень неприятных. Я не хочу об этом вспоминать. Может быть, потом, как-нибудь...

Она потянулась к блюду с плодами и взяла себе один. А Лоренхольду пододвинула свою чашу.

– Попробуй лучше сок Кару. Раз ты здесь почти не бывал, то можешь и не знать, какой он вкусный.

Орель машинально выпил, но никакого вкуса не ощутил. Он не знал, как уговорить эту девушку все ему немедленно рассказать, но она, словно в насмешку, болтала о вещах посторонних и совершенно ему не интересных. Наконец, видя потухший взгляд Лоренхольда, Сольвена сжалась.

– Неужели то, что я знаю для тебя так важно, что ты непременно должен услышать это прямо сейчас?

– Ты даже представить себе не можешь, как важно, – с мольбой произнес Лоренхольд. – Пожалуйста, расскажи!

– Ладно, расскажу. Только давай уйдем отсюда. Здесь стало уже неинтересно, да и очень шумно для подобных разговоров.

Молодой человек с готовностью подскочил, помог Сольвене выбраться из-за пиршественного стола, и они, ни с кем не прощаясь, пошли в сторону зарослей Кару.

– Знаешь, – начала Сольвена, когда голоса пирующих стали едва слышны, – мы ведь с Нафином очень дружили... То есть, это я дружила, а он, кажется, был в меня влюблен. Глупо, конечно, что все так получилось, но никаких обещаний и надежд я ему не давала... С ним ведь мало кто общался. Понимаешь, эти крылья, огромные, как у вас, умение летать... Нафин очень выделялся, а таких не любят. К тому же он был просто одержим своими идеями. Тем, что он избранник Судьбы и видит то, чего не видит больше никто! Над ним смеялись, ему не верили, хотя, как я теперь понимаю, кое в чем он был прав. Но и других осуждать не стоит. Их тоже можно понять. Странности Нафина перешли к нему от отца, а его печальная судьба памятна здесь многим.

– Что же с ним стало?

– Он умер после того, как совершенно надорвался, раскапывая Генульфову пещеру.

– Генульфову пещеру? – изумился Лоренхольд. – А это еще зачем?

Сольвена пожала плечами.

– Нафин говорил, что там были какие-то записи... Но я думаю – это такой же вымысел, как и дурацкое предсказание, из-за которого и он, и его отец сошли с ума. Сам посуди, в предсказании говорится, что только тот, кто увидит цветущую траву Лорух и Летающих орелей сможет найти детей Дормата и снять проклятие с нашего рода. Ладно, положим, относительно Летающих орелей спорить уже не приходится – мы все увидели вас. Но Лорух!... С самого рождения каждый житель Гнездовища наблюдает, как она растет, вянет и прорастает вновь, но, уверяю тебя, трава эта никогда не цветет! Просто Нафин, когда был совсем маленьким, увидел на ней осыпавшиеся цветы с деревьев Кару и сказал отцу, что Лорух зацвела. Любой нормальный орелин объяснил бы ребенку, что к чему, а Тевальд словно с ума сошел. Возомнил себя избранником Судьбы и до самой смерти рылся в Обвале, отыскивая остатки пещеры, а потом и Нафин заразился его безумием... Ты видел наш Обвал?

– Да, мы с отцом туда летали.

– Так вот там и была пещера Генульфа. Прямо в самой горе. Вроде бы последние несколько лет жизни наш прародитель провел там в уединении, выбивая на стенах какие-то записи. Но какие никто не знает. Да и не к чему они были – в Гнездовище все равно читать никто не умеет. Но Тевальд был уверен, что раз Судьба его выбрала, то и в записях позволит разобраться...

– Но зачем они были нужны?

– Не знаю. Может, думал, что там указано, как добраться до вас. Ведь он считал, что цветущую траву уже увидел... Или надеялся отыскать путь к детям Дормата, что уж совсем глупо. Ваши орели рассказали нам эту старую грустную историю, и никто не сомневается, что несчастные малютки так и не увидели света, а значит, и искать их незачем. Гнездовище прекрасно живет! Лично я никакого проклятия на себе не ощущаю. А вот Тевальд и Нафин, совершенно помешавшиеся на том, чтобы его снять, кончили очень плохо. И Метафту довели до безумия. С тех пор, как Нафин исчез, она бедняжка, словно жить перестала. Выходит из гнездовины только к чаше за водой и, кажется, совсем не замечает, что вода там уже давно не дождевая...

– Постой, постой, – перебил девушку Лоренхольд. – Ты начала говорить, что отец Нафина рылся в Обвале... Он там что-нибудь нашел?

– Да брось, что там можно было найти?

– Ну, может обломки с частями текста или рисунками...

– Нет, ничего он не нашел.

– Тогда, возможно, Нафину это удалось?

– И Нафин ничего не нашел. Это невозможно. Пещера Генульфа, и он вместе с ней, погибли в том страшном обвале бесследно. И я считаю, что такая кончина снимает любое проклятие. Но Нафину ничего нельзя было объяснить. Идея собственной избранности так ему полюбилась, что он часто принимал желаемое за действительное. И в тот день, когда исчез,

он тоже прилетел в Гнездовище с гор с очередными выдумками. Я как раз болтала с Метафтой, когда он появился очень возбужденный и уверяющий, что видел наверху двух летающих орелей. В доказательство Нафин притащил два сосуда, которые эти орели якобы забыли в попыхах, удирая от него. Сосуды действительно были странноватые – у нас таких не делали – и рисунки на них тоже не походили ни на что, виденное мной раньше. Но, принеси эти сосуды кто-то другой, а не Нафин, может, к ним бы и отнеслись по-другому. Но их принес Нафин, а он всем уже изрядно надоел своими сказками. Поэтому Метафта просто отчитала его, связала ему крылья и запретила куда-либо вообще летать, чтобы не позорил её перед соседями.

Я помнится, тогда тоже отнеслась к находке Нафина без должного интереса, так что мы даже поссорились. Я ушла и занялась своими делами. Про Нафина совершенно не думала, а когда позже зашел Кантальф – мой приятель – и предложил с ним прогуляться, так далеко была мыслями от утренней размолвки, что безо всякой насмешки и обиды рассказала ему про найденные сосуды. Кантальф, конечно, тоже посмеялся, но больше мы об этом не говорили. Просто мирно гуляли в этой самой рощице, как вдруг из-за деревьев выскочил Нафин. У него было такое лицо, что я испугалась и сразу же убежала. Но Кантальф еще перекинулся с ним парой слов и потом сказал мне, что у Нафина в руках были те самые сосуды. Помню, я тогда сразу подумала, что Нафин решил уйти из Гнездовища. Ведь, по его мнению, первая часть предсказания полностью исполнилась. А уж то, что он увидел меня с Кантальфом, только усилило это решение.

В тревоге я поспешила к Метафте и все ей рассказала. Видел бы ты, как бедная женщина испугалась! Она велела нам идти домой, а сама побежала к Торлифу, но я, понимая, что сейчас начнутся поиски, домой не пошла и отправилась за ней. Когда-то Нафин показал мне свое тайное убежище, о котором просил никому не говорить. Я слово держала, но тогда подумала, что сейчас не тот случай, чтобы молчать.

Помню, двигалась гроза, и уже накрапывал дождик, когда мы подошли к пещерке Нафина. Она была пуста. Пуста была и эта рощица, которую орели, собранные Метафтой, прошли вдоль и поперек. Но, хотя они и обшаривали окрестности очень тщательно, все же кое-что пропустили.

Сольвена ослабила шнуровку на воротах и потянула наружу висящую на её груди подвеску.

– Я нашла это случайно, на следующий день, когда пришла к пещерке в надежде, что ночная гроза заставила Нафина опомниться, и он вернулся. Эта штучка была вдавлена в землю, как будто на неё наступили, но при свете дня её трудно было не заметить.

У Лоренхольда перехватило дыхание. На шнурке Сольвены висело украшение, которым Тихтольн обычно скалывал волосы.

– Я никому это не показывала, – продолжала девушка, – как не рассказала и о том, что в пещерке остались следы. И не одного, а двух орелей. Причем, один из них лежал.

– Как же ты смогла это определить? – спросил Лоренхольд, не сводя глаз с украшения.

– Ничего сложного, – ответила девушка. – Пойдем, я покажу тебе это место.

Она взяла Лоренхольда за руку и повела к подножию скалы, возвышавшейся над Гнездовищем. Там, меж двух выступов, обнаружилась небольшая пещерка, сухая и уютная, в которой вполне можно укрыться от любой непогоды. Пол был усыпан останками почерневших, совершенно высохших листьев, и Сольвена указала на них Лоренхольду.

– Видишь, это Нафин натаскал, чтобы сидеть было удобнее. Конечно, тогда они не были такими сухими. Он следил за этим, часто менял листья и траву и расстилал их по полу ровным слоем. А наутро после исчезновения часть листьев была сдвинута в сторону, как будто кто-то хотел прилечь и расчистил себе место.

– Может, сам Нафин и прилег?

Сольвена насмешливо взглянула на ореля.

– Если бы Нафин захотел прилечь, то он бы, скорее всего, подгрел все листья под себя... Нет, тот, кто тут лежал не привык спать на траве. Думаю, он вообще не знал, что это такое...

– А где ты нашла украшение?

– Здесь.

Сольвена показала место у самого входа.

– Наверное, они покинули пещерку второпях, и эта штучка упала, а наши орели, пришедшие на поиски, втоптали её в землю.

– Наверное, так, – пробормотал Лоренхольд.

Он гадал, зачем Нафину понадобилось прятать здесь Тихтольна. Ведь если ему никто не верил, то самым естественным было бы показать Летающего ореля поселянам и доказать свою честность. Но мальчишка предпочел скрыть этот самый убедительный довод, и, видимо, нес ему еду, когда встретил в роще Сольвену с тем другим парнем. Странно это все как-то...

– А почему ты никому не показала свою находку? – спросил юноша.

– Сама не знаю. – Сольвена пожала плечами. – Слишком много шума поднялось тогда. Метафта была, как помешанная... Даже Старик всполошился. Сразу же улетел куда-то, а потом вернулся весь какой-то почерневший и заперся в своей гнездовине, никому ничего не говоря... Все и без того было так странно, что я решила не добавлять беспокойства. Да и что бы дала моя находка? Только подтверждение тому, что Нафин улетел не один? А куда улетел и зачем по этой штучке все равно не скажешь...

Лоренхольд ничего не ответил. В нем снова начало расти раздражение. Судя по всему этой девице наплевать даже на пропавшего друга, не говоря уж о его брате, которого она и в глаза не видела. Тихтольн, как тень от облака проскользнул по окраине Гнездовища, никем не замеченный, и бесследно исчез. Только украшение с его головы доказывает, что он был именно здесь, а не улетел замерзать где-то среди заснеженных вершин.

– Отведи меня обратно, – хмуро бросил Сольвене Лоренхольд. – Только, пожалуйста, пойдем молча. Я хочу как следует запомнить дорогу, чтобы прийти сюда еще раз.

– Но я снова могла бы тебя проводить...

– Нет, мне нужно одному.

Лоренхольд уже решил, что обшарит все горы над пещеркой в поисках хоть каких-то следов и, захваченный этой идеей, не обратил никакого внимания на то, что Сольвена смертельно обижена.

– Здесь есть и другой путь, покороче, – холодно сказала она. Резко развернувшись и, не оглядываясь, пошла вдоль скалы.

Лоренхольд поспешил за ней, внимательно осматривая и запоминая окрестности, но оказалось, что это совершенно не нужно. Они не прошли и полсотни шагов, как впереди выросла огромная вязанка из собранных опавших веток. Самые прямые и толстые из них были воткнуты по кругу, чтобы не дать вязанке развалиться, и прямо от них к Гнездовищу вела довольно широкая тропинка. Девушка молча зашагала по ней, все убыстряя ход, так что Лоренхольду скоро пришлось бы догонять её почти бегом, но, пройдя довольно приличное расстояние, Сольвена вдруг резко остановилась и приложила палец к губам.

– Что случилось? – спросил Лоренхольд подходя.

– Не кричи, – шикнула на него девушка. – Там Старик. Я не хочу, чтобы он нас увидел.

Лоренхольд посмотрел в ту сторону, куда она указывала, и увидел, что они стоят в двух шагах от ограды заднего двора древней гнездовины. Взошла луна. В её свете хорошо был виден Старик. Он возился в земле, в самом дальнем углу, что-то выкапывая и перекладывая с места на место.

– Что это такое он делает? – удивленно спросил орель.

– Мало ли что! Это нас не касается. Старик всегда был странным и давно живет своей собственной жизнью, но его уважают, так что лучше не попадаться ему на глаза.

– Но почему?

Сольвена обернулась и взглянула Лоренхольду в лицо.

– Потому что он вас не любит. Он считает, что вы принесете в Гнездовище зло.

– Но почему? – продолжал допытываться Лоренхольд.

Сольвена пожала плечами и с притворным равнодушием посмотрела себе под ноги.

– Даже не знаю, должна ли я хоть что-то говорить. Ты уверен, что достаточно хорошо запомнил дорогу?

– Говори, говори! – пылко зашептал Лоренхольд. – Старик знает какую-то тайну, да?

– Да. – Глаза Сольвены удивленно распахнулись. – Но я думала, что это такие же выдумки, как и предсказание, и Генульфовы записи.

– Неважно, что ты думала! Откуда тебе известно про тайну?

– От Метафты. Я случайно услышала, когда бежала за ней к Торлифу. Метафта тогда была в сильном волнении, ничего не замечала и говорила сама с собой. Что-то о том, что Старик наверняка разгадал тайну Генульфовых записей и разболтал её Нафину. Что он – глупец, раз не понимает, что делать это было нельзя ни в коем случае. Нафин упрямец, обязательно приведет в Гнездовище Летающих орелей, и то, чего и Метафта, и Старик так опасались неизбежно произойдет! Она даже ходила к нему в гнездовину на следующий день, но никто не слышал, чтобы они там ругались, так что, может быть, ничего такого страшного и нет...

– Нет, есть, Сольвена, есть! – шепотом воскликнул Лоренхольд, хватая девушку за руки. – Я всегда это подозревал! Тайна существует, и я не успокоюсь, пока не разгадаю её!

– Но зачем тебе? Все, кто с этим связывались или гибнут, или сходят с ума! Не надо, Лоренхольд! Наша жизнь так спокойна и прекрасна! Я думала, мы с тобой подружимся, ты станешь чаще прилетать...

– Ты не понимаешь, не понимаешь! – Лоренхольд все сильнее сжимал руки девушки, причиняя ей боль. – Пропавший орель был моим братом! Двоюродным, но я любил его, как родного! Это меня, вместе с ним видел Нафин в то утро, просто потом я полетел обратно, домой, а Тихтольн вернулся сюда! Благодаря тебе я теперь точно знаю, что он тут был! И мы подружимся, обязательно подружимся, только помоги мне еще раз! Давай вместе разгадаем тайну Старика!..

– Нет!

Сольвена с трудом высвободила руки и отступила на шаг.

– Это без меня. Я хорошо живу. Слишком хорошо, чтобы желать хоть что-то изменить. Сожалею, Лоренхольд, но на меня не рассчитывай.

* * *

Сразу после пиршества родители Лоренхольда улетели домой, несмотря на уговоры Гесты погостить еще немного. Они сказали, что уже соскучились по Сверкающей Вершине, но зато позволили остаться двум другим дочерям и Лоренхольду, который объяснил свое желание задержаться в Гнездовище тем, что должен же кто-то сопровождать сестер на обратном пути к дому. На самом деле ему не терпелось начать поиски.

Молодой человек не стал дожидаться темноты, чтобы снова посетить убежище Нафина, справедливо полагая, что никого там все равно не встретит, и отправился к подножию скалы едва ли не с самого утра.

«Сольвена решила, что орели покинули пещерку впопыхах, – размышлял Лоренхольд, пробираясь задними дворами гнездовин к нужной ему тропинке, – что ж, это вполне возможно. Нафин прятал Тихтольну, их начали искать и, чтобы избежать ненужной встречи, разумнее всего было улететь повыше в горы, куда никто из преследователей не смог бы забраться. Это хорошо. А, раз так, то направление они вряд ли выбирали. Взлетели, как получится, наобум.

Значит, если я сделаю то же самое, то смогу обнаружить место, где они приземлились. Нафин нес наши сосуды. В одном из них Серебряной Воды оставалось совсем немного. Раз Тихтольн его не бросил в пещерке, значит, не успел все выпить и сделал это, скорей всего, на месте привала. Это тоже хорошо. Если мне повезет, и я все сделаю правильно, то найду этот сосуд. А вместе с ним и еще что-нибудь, что укажет дальнейшее направление поисков. Тихтольн не такой дурак, он не мог не понимать, что искать его все равно будут... Хотя, – Лоренхольд остановился и залился краской стыда. – За столько времени никто даже не пытался. Все только сожалели о пропаже и ждали, что он вот-вот сам появится... Но, с другой стороны, не было ведь достоверно известно, что Тихтольн полетел именно сюда, и откуда начинать поиски тоже никто не знал. Если бы Сольвена сказала раньше... Но, неважно! Теперь зацепка есть, и если Тихтольн надеялся на поиски, то он должен был оставить какие-то знаки на своем пути...»

Лоренхольд с удвоенной энергией зашагал по тропинке и, проходя мимо гнездовины Старика, посмотрел на неё с вызовом. Древний старец больше не пугал его. Страх отступил, и осталось только страстное желание во всем разобраться.

Возле пещерки Нафина орель тоже долго не задержался. Просто повернулся спиной к выходу и взлетел, зорко осматривая скалы. Очень скоро он заметил удобную площадку. Точнее, две, ступенями поднимавшиеся одна над другой. Лоренхольд опустился на нижнюю и некоторое время внимательно её изучал. Увы! Ни пустого сосуда, ни каких-либо знаков, оставленных Тихтольном на ней не было.

Почесав за ухом, он с досадой пнул ногой камень, похожий на детскую игрушку-вертушку, и перелетел на верхнюю площадку.

Здесь места было совсем мало из-за огромных валунов, так что орели вряд ли стали бы тут останавливаться. Но внимание Лоренхольда сразу же привлек большой камень, неестественно приваленный к скале. Хорошенько присмотревшись, юноша понял, что этот камень вообще был не отсюда. Его словно вырвали из какой-то другой породы и поставили здесь, где он выделялся и цветом, и фактурой, а уж кому, как не леппу знать в этом толк! Более того, под камнем угадывался вход в низкий лаз, и Лоренхольду, задрожавшему от предвкушения находки, не составило большого труда его отодвинуть и заглянуть внутрь.

В следующее мгновение пальцы его бессильно разжались. Обломок Генульфовой пещеры, ничем не удерживаемый, повалился на край площадки, раскололся надвое и покатился вниз, дробясь на мелкие кусочки. Но Лоренхольд этого даже не заметил. Стон, разрастающийся в вопль ужаса, вырвался из его груди, будя окрестное эхо, которое понесло его по горам.

В нише, на каменном полу, лежал мертвый Тихтольн!

Точнее, то, что от него осталось – совершенно высохшая оболочка в орелинских одеждах. Рядом валялись оба сосуда, и Лоренхольду не нужно было их обследовать, чтобы понять, что его брат умер вовсе не от голода. Он был убит!

Убийство!!!

Для орелей это невыносимо!

Для орелей... Но могут ли себя так называть те, кто живет в Гнездовище?! Какое право они на это имеют? Давнее родство? Но с кем? С орелем, которого обвиняли в страшном преступлении?...

Лоренхольд снова застонал и схватился за голову. Значит, мальчишка все же убил его брата! Но за что? И куда делся сам?... А, может, это не он? Может, это Старик убил их обоих? Тихтольн бросил здесь, завалив его могилу принесенным откуда-то камнем, а Нафина закопал у себя на заднем дворе? Потому и возится там по ночам – перекапывает! Слой земли в Гнездовище не такой уж и глубокий, дожди и ветры легко обнажат любое захоронение... Да, это может быть... Значит, нужно немедленно лететь и проверить! И, если догадка верна...

Лоренхольд отшатнулся от ниши. Смотреть в неё больше не было сил. Даже если его догадка верна, он все равно не вправе судить. Участь убийцы будут решать Иглоны Шести Городов и все летающие орели. Но ненавидеть он мог! Горячей лавой ненависть растекалась по его сердцу и мозгу, затопляя душу. Скорей, скорей, лететь к Старiku! Сейчас он найдет Нафина, а потом заберет отсюда сестер и всех Летающих орелей. Им нечего тут делать! Гнездовище – ловушка, в которой все они погибнут!...

Лоренхольд закрыл лицо руками и полетел. Слезы жгли глаза, но наружу никак не могли излиться, словно вода, застоявшаяся во впадинах глаз какого-то каменного изваяния. Нисколько не таясь, он спикировал на задний двор древней гнездовины и сразу же бросился в тот угол, где вчера ночью видел Старика.

Так и есть! Холмик свеженакопанной земли! Правда, он маловат для могилы, но ничего, сейчас посмотрим! Лоренхольд принялся руками раскидывать землю... Камень... Еще один! ... Что это? На них надписи, рисунки... Перед глазами молодого человека замелькали знакомые с детства имена: Хеоморн, Дормат, Гольтфор... Записи Генульфа? Но где же мальчишка?!...

Орель поискал глазами что-нибудь, что напоминало бы могилу Нафина, и тут заметил Старика. Он стоял возле гнездовины, молча, наблюдая за Лоренхольдом. В его спокойствии не было никакой тревоги, только обреченность и даже, кажется, облегчение.

Лоренхольд выпрямился.

– Ты знаешь, что я нашел наверху?

– Знаю. И знаю, что ты подумал. Но это не так...

– Так, или не так – мне наплевать! Тот, кто лежит наверху, был моим братом, и он убит! Кто это сделал? Ты?

– Нет.

– Значит, мальчишка! Где он?!

– Не знаю.

Пустой голос Старика делался все глуше.

– Я не знаю, где сейчас Нафин, и что там произошло, но ты должен поверить мне на слово – он не мог убить...

Слезы, наконец-то брызнули из глаз Лоренхольда. Бессильные слезы ярости.

– Должен!!! Я должен верить ТЕБЕ?!! Да я ненавижу тебя! Я знаю, что ты хранишь какую-то тайну, и что мальчишка, которого ты покрываешь, считает себя избранником Судьбы, способным снять с вашего рода проклятие Хеоморна. Но вам его никогда не снять! Генульф был убийцей! И вы недалеко ушли от него! Дети Дормата давно мертвы! Мертвы, как и мой брат Тихтольн! Никому из них никогда больше не вернуться на Сверкающую Вершину! И я, если бы только мог..., если бы обладал таким правом, проклял бы вас снова!...

Юноша зло смахнул слезы с лица и бросился мимо Старика на улицу.

* * *

Старик уже давно стал ощущать беспокойство.

Сначала вернулись сны. Только теперь он не видел ни летящего в пропасть Дормата, ни величественных городов, ни их правителей, заседающих в каменных палатах. Теперь все чаще Старiku стало являться Гнездовище, то каким он его помнил в пору детства. И Генульф – такой, как до безумия, и Рофана – еще довольно молодая и полная сил.

Были и другие картины, но те уж совсем непонятные. Старик смутно догадывался, что видит что-то, происходящее далеко внизу, на земле, но понять ничего не мог. Его таинственный брат появлялся во снах совсем редко и все больше молчал. Однако Старик чувствовал – брат очень волнуется. Однажды он внятно сказал: «найжены все», и, проснувшись, Старик ощу-

тил, что не может больше сидеть в бездействии. Сон этот покинул его слишком рано, за окном гнездовины еще висела ночь, но, несмотря на это, Старик вышел на улицу, где расправил крылья и взлетел.

Странное дело – полет его совсем не утомил! Даже наоборот – появились силы, о которых столетний орель и не подозревал. И это, странное на первый взгляд, обстоятельство, еще раз подтвердило, что грядут события, к которым нужно быть готовым.

Его нисколько не радовала разрастающаяся дружба между Летающими орелями и жителями поселения. С грустью смотрел Старик через окно своей гнездовины на соседей, рядящихся в сверкающие орелинские одежды и щеголяющих словечками из их речи. «Глупцы, глупцы, что вы будете делать, когда первые восторги улягутся, и станет ясно, что вы не ровня друг другу?», – размышлял он, наблюдая, как со снисходительными улыбками молодые летающие орели учили своих сверстников-поселян взлетать без травм на крышу самого низкого строения, и как легко взлетали они сами, демонстрируя, что это совсем не сложно. «Наивный Нафин, ты думал, что Гнездовище исчезнет, потому что нас всех заберут на Сверкающую Вершину? Ох, как же ты ошибался! Да кроме нас двоих там больше никто не сможет жить, без риска сорваться как-нибудь в пропасть и погибнуть. Все, кто летал туда, говорили об этом. Так что, не обольщайся, мой мальчик, ты сдвинул камень, который может покатиться только вниз!».

Старик, пожалуй, был единственным, кто увидел отголосок своих мыслей в глазах Торлифа. И понял – начало беде положено. А когда мимо его окна прошел хмурый молодой орелин, неприязненно озирающийся вокруг, надежды больше не осталось. Требовался лишь небольшой толчок, чтобы отчуждение, зреющее в этих двоих, перекинулось на окружающих. И Старин стал готовиться.

Он понимал, что предотвратить в одиночку ничего не сможет, но старался оттянуть ссору между орелями. Раз таинственный брат сказал, что все найдены, значит, Нафин скоро вернется. И вернется не один! Может быть, вместе они сумеют что-то придумать!

Для начала Старик слетал к могиле Тихтольна, чтобы проверить надежно ли она закрыта. Он также отследил путь, по которому Летающие орели спускались в Гнездовище, и с удовлетворением отметил, что проходил этот путь в достаточном удалении от опасной могилы. Ночные вылазки сделались длиннее, потому что сначала Старик обходил Гнездовище, ликвидируя все, что могло вызвать неудовольствие какой-нибудь из сторон. Убирал застывшие потеки Серебряной Воды, небрежно разлитой поселянами, возвращал на место листья, сорванные с кровель неосторожными взмахами огромных крыльев гостей, и только потом взлетал.

Конечно же, он не мог не заметить хмурого ореля, следящего за его полетами из-под раскидистых ветвей Кару.

Поначалу Старик решил, что парню просто не спится, и он вышел полюбоваться звездами. Но на следующую ночь повторилось то же самое... И на другую, и потом опять... Однажды Старик помахал орелину рукой, но, судя по тому, как резко наблюдатель скрылся в гнездовине, не ответив на приветствие, понял, что юноша следил за ним.

Несколько дней потом ломал Старик голову над тем, что могло побудить к слежке этого Летающего гостя, но ответа так и не нашел. Он всерьез решил перенести мертвого орелина куда-нибудь уж совсем подальше в горы, но побоялся, что странный парень последует за ним. Из этих же соображений отложил он и дело, давно ожидающееся на заднем дворе гнездовины. Дожди и ветры обнажили захороненные там обломки с записями Генульфа, и их следовало зарыть снова, поглубже. Но руки все не доходили. Старика почти никто не навещал, потому он сильно не тревожился. Зато теперь не переставал себя ругать: а ну, как этот любопытный тип и туда залезет! Оставалось уповать лишь на то, что он скоро улетит домой.

Из болтовни соседок Старик разобрал, что хмурый молодой орелин прибыл в поселение на постройку гнездовины для своей сестры и её жениха, и что строительство вот-вот закон-

чится. Что Гнездовище его, похоже, тяготит, и он ждет не дождется возвращения. ... От сердца немного отлегло. Может быть, в этот раз и обойдется! Недоброжелательный орелин улетит к себе и вряд ли вернется сюда еще раз... Однако до конца беспокойство не проходило.

В день пиршества Старик, как обычно, сидел у окна, терпеливо дожидаясь вечера. Сегодня он обязательно перепрячет обломки. Вот подождет, когда стемнеет как следует, и начнет. Следящий за ним парень вряд ли что-нибудь заметит – ему надлежит сидеть за пиршественным столом, рядом с сестрой... Но, почему же он все-таки следит? Какой такой интерес мог вызвать древний поселянин у юноши со Сверкающей Вершины? Непонятно!...

Вдруг Старик напрягся. Мимо его окна брела к чаше с водой Метафта. Бессильно опущенные руки еле держали пустой сосуд, а помертвевшие глаза не выражали ничего. Недавняя веселая хозяйка Гнездовища превратилась в старуху, безразличную ко всему. Старик тяжело вздохнул. Как же давно они с ней не общались! После исчезновения Нафина Метафта заходила сюда, в его гнездовину, считая, что именно он виноват в бегстве её мальчика. Пришлось подробно пересказать весь разговор, и несчастная женщина, кажется, все поняла правильно. Но после визита Великого Иглона её словно подменили. На следующее утро, когда все Гнездовище Взмолнованно обсуждало неожиданное появление новых родичей, Старик пошел к Метафте с твердым намерением рассказать ей всю правду о себе и о страшной находке в горах. Конечно, он объяснит, что не считает Нафина убийцей, что, скорее всего, произошел несчастный случай, но, сходявшая с ума от беспокойства Метафта должна была узнать, что её сыну прочитали самый опасный текст из Генульфовой пещеры, и теперь он наверняка ищет детей Дормата где-нибудь далеко на земле.

Однако благие намерения старика закончились ничем. Метафта неожиданно зло захлопнула дверь перед самым его носом и не захотела разговаривать.

Несколько раз после этого пытался Старик с ней объясниться, но ничего не получалось. Теперь же, наблюдая за бредущей в унынии женщиной, он решил попытаться еще раз.

Метафта как раз доставала из чаши наполненный сосуд, когда Старик остановился рядом. Он тихо поприветствовал женщину, но она не ответила.

– Метафта, мне необходимо поговорить с тобой. Очнись, не будь такой безучастной. Беда совсем рядом, а мне даже опереться не на кого. Я знаю, что Нафин нашел детей Дормата и скоро вернется, но опасаясь, не случилось бы это слишком поздно. Здесь, в Гнездовище может произойти нечто такое, что всех нас погубит!... Метафта! Да слышишь ли ты меня? Неужели даже имя сына не способно вернуть тебя к жизни?!

Орелина подняла на него пустые глаза, и вдруг в них загорелось злое отчаяние.

– Не лги мне, Старик! – прошипела Метафта. – И не смей поминать Нафина! Уж не знаю, для чего тебе вздумалось меня пугать, но дети Дормата не найдены! Во всяком случае, один из них! Мой бедный мальчик еще долго будет рыскать по свету в поисках его следов, но ничего не найдет. Думаешь, я не знаю, чей ты сын на самом деле? Знаю! Слышала, как тебя так называл молодой предводитель Летающих! Я многое передумала с тех пор, пыталась хоть что-то понять и, знаешь, что поняла? Что ты нарочно отправил Нафина на верную смерть! Ты видел, – мой мальчик еще очень юн, неопытен и страшно упрям. Ты знал, без последнего сына Дормата он ни за что сюда не вернется! Потому и не открылся ему, хотя должен был бы лететь и искать своих братьев вместе с Нафином! Но зачем тебе это? Куда как лучше отсидеться здесь, в тиши и покое, а дурачок Нафин пусть себе рыщет по свету, продляя твою никому не нужную жизнь! Я не так глупа и тоже догадалась – ты ведь потому и живешь так долго, что предсказание еще не исполнилось. И остальные, видимо, тоже живы. Но когда сыновья Дормата соберутся все вместе, жизнь ваша закончится. А ты не хочешь умирать, Старик, верно? И не лезь ко мне с разговорами! Мне не о чем с тобой говорить!

Женщина перехватила сосуд покрепче и собралась, было уйти, но Старик её удержал.

– Ты о многом догадалась верно, Метафта, но только не о том, что мной руководило. Да, я не хотел, чтобы предсказание сбылось, но только потому, что не хотел гибели Гнездовища. Мне всегда были дороги и это место, и те, кто тут живет. Поверь, я, не колеблясь, расспросился бы с жизнью, ради их спасения! Но конец уже близок. Не спрашивай, откуда я это знаю – я и сам не смог бы тебе ответить вразумительно – просто знаю наверняка, что Нафин всех нашел и догадался о том, кем я на самом деле являюсь. Думаю, он уже спешит сюда, но может не успеть. Повторяю, что-то произойдет в Гнездовище..., что-то, от чего мы все погибнем!...

– Мы, но не ты! – перебила Метафта. – Уж ты-то здесь останешься, даже если все поселение сметет новая гроза, вроде той, после которой появился Обвал! А что до остальных, то им своей судьбы все равно не избежать. Что будет, то и будет! Жаль, если я больше никогда не увижусь с Нафином, но... Неужели ты еще не понял, что изменить мы ничего не сможем?!

– Но ведь речь идет о наших близких! Об их детях! Я не верю, что их участь настолько тебе безразлична! Ты можешь набирать воду в этой чаше и не замечать, что она стала совсем иной, но не замечать того, что назревает в Гнездовище, не имеешь права! Как не имеешь права смиряться и опускать руки перед надвигающейся бедой, если есть хоть малейшая возможность её избежать, или, по крайней мере, свести потери к минимуму! Торлиф – твой брат. Он ненавидит летающих орелей и ждет малейшего повода, чтобы развязать ссору. Поговори с ним, убеди не делать этого! В конце концов, расскажи ему все, и про меня, и про вторую часть предсказания!...

Метафта снова подняла на Старика глаза, и они словно заглянули ему в самую душу.

– А сам-то ты веришь, что этим можно что-то предотвратить?... Вижу, не веришь. Я тоже. Потому ничего не скажу ни Торлифу, ни кому-либо еще. И ты не запугивай орелей без толку. Не Торлиф, так кто-нибудь из Летающих затеет ссору. От Судьбы не уйдешь. Пусть уж Гнездовище доживет последние дни в мире, покое и незнании...

– Мира и покоя скоро не будет.

– Ну и пусть! Я всегда думала, что неправ был мой Нафин, но, может быть ошибки совершал именно ты? Так что не лезь в это дело. Не совершай последней ошибки – роковой.

С этими словами Метафта ушла, и Старик её больше не останавливал. Последний брошенный упрек пригвоздил его к месту. Став прозорливой в своем горе несчастная мать увидела все в новом и, кто знает, может быть, в истинном свете. Уж не права ли она в том, что ему, Старiku, следовало лететь вместе с Нафином? Разве не увидел он во время последнего разговора, что мальчишка ни за что не отступится от своего?! Видел, конечно, и понимал, что рано или поздно Нафин улетит на поиски. Но, куда бы они полетели? В каком направлении следовало искать? Нет, видимо было нужно, чтобы появился этот Летающий орелин, который прочитал надпись на плите, и все произошло так, а не иначе... Метафта права – с Судьбой не поспоришь. Возможно, не стоит суетиться и перезакапывать обломки на заднем дворе?... Но укоренившееся за долгие годы убеждение, что записи Генульфа никто не должен видеть никак не хотело отступать. «Сделаю, как решил, – подумал Старик, – а там разберемся, во благо это было или во вред!».

И потому, когда над Гнездовищем повисла луна, он взял в руки некое подобие лопаты, выточенное в незапамятные времена еще Генульфом, и пошел на задний двор.

Возился Старик недолго. Но, когда закончил, желания, как обычно, облетать поселение почему-то не было. Без особой надежды он решил пойти заснуть и, как ни странно, заснул почти сразу.

Беспорядочный и малопонятный поначалу сон скоро сменился четкими видениями, пугающими своей реальностью. Старiku привиделось, что хмурый Летающий орелин открывает могилу своего мертвого сородича, а потом, в великом гневе, бросает закрывавший её обломок Генульфовой пещеры вниз, прямо на Гнездовище. В жутковато-медленном полете,

плита стала увеличиваться в размерах, и в самый последний момент Старик обреченно понял, что сейчас она накроет поселение целиком.

Ужас заставил старого ореля немедленно проснуться. Он сел на своем ложе, опасаясь хоть на миг снова закрыть глаза, чтобы страшная картина не повторилась. Но дрожь во всем теле никак не унималась. Чтобы немного успокоиться, Старик взялся навести в гнездовине порядок, и некоторое время сосредоточенно переставлял с места на место сосуды и миски, стряхивая пыль с каменных выступов под ними. У самого порога он заметил островок разросшегося лишайника, который необходимо было соскоблить, но вспомнил, что каменная лопатка осталась на заднем дворе. И Старик решил за ней сходить.

Он сразу увидел хмурого орелина, роющегося в земле. Парень доставал из его нового захоронения обломок за обломком и отбрасывал их в стороны. Словно в лихорадке он пробегал глазами текст, а потом снова начинал рыть, как будто искал что-то совсем другое.

Старик ощутил, как в одно мгновение его покинули и жизненная сила, и воля. Помертвев, он наблюдал за происходящим, не в силах отвести глаза. Недавний кошмарный сон оборачивался явью!

Безжизненно, почти машинально, отвечал он на расспросы взбешенного орелина, при этом голос его делался все слабее и тише. Беда пришла! И, хотя была давно ожидаема, все равно застала врасплох. Поэтому, когда Летающий пробежал мимо него на улицу, Старик только и смог, что прошептать:

– Судьба...

И бессильно привалиться к стене гнездовины.

* * *

Лоренхольд в гнев шагал по улице, не обращая внимания на удивленные взгляды поселян. Текущие слезы он размазывал грязными от земли руками, так что скоро его лицо стало совершенно ужасным. Ненависть душила ореля! Проклятый Старик все знал и говорил об этом так спокойно, словно не видел в убийстве Тихтольна ничего ужасного! Но ничего, он еще поймет, как все это страшно, когда против него обернется гнев всех жителей Шести Городов...

Неожиданно на плечо юноши легла чья-то рука.

– Лоренхольд, что с тобой? Ты ужасно выглядишь! Уж не перебрал ли ты вчера с непривычки сока Кару?

Говоривший оказался Клиндоргом – старинным знакомцем из Южного Города. Когда-то он жил по соседству с Тихтольном, и Лоренхольд, навещая брата, коротко с ним сошелся... До чего же давно все это было! А теперь Клиндорг жил в Гнездовище. Около месяца назад была его свадьба, и Лоренхольда тогда тоже звали, но он не полетел. Сейчас же, глядя на веселое лицо Клиндорга, юноша горько об этом пожалел. Полети он тогда, может быть, все случилось бы раньше, и возмездие уже свершилось бы, и Геста не связала свою судьбу с поселянином!

– Так что с тобой случилось, Лоренхольд? – Клиндорг потряс задумавшегося приятеля за плечо.

– Лучше ты скажи, что случилось с тобой...

Лоренхольд выдал эти слова с трудом, хрипло... Он хотел продолжить и спросить: «что случилось, раз ты решил остаться жить в этом проклятом месте», но запнулся. Последние слова застряли в горле вместе со сдерживаемым рыданием, а Клиндорг понял недосказанный вопрос по-своему.

– Со мной? Так тебе уже кто-то рассказал? Я бы, конечно, не назвал это «случилось», но ситуация вышла действительно забавная. Представляешь, моя жена и её мать боялись отпускать меня летать в горы, потому что считают, что это опасно.

Клиндорг беззаботно рассмеялся, но Лоренхольда словно обожгло лавой.

– Бояться! – крикнул он со всей силой своего отчаяния, прорвавшегося наружу. – Думаешь, они этого боятся?! Не-ет, Клиндорг, они боятся совсем другого! Им нужно сравнять тебя с собой и заставить забыть величие Сверкающей Вершины, чтобы ты не знал другой радости в жизни, кроме как возиться в земле и сушить их проклятые листья!...

– Что ты несешь, Лоренхольд?! Опомнись! – опешил Клиндорг. – Не кричи так, тебя же слышат!

Побелев лицом он обернулся вокруг, на поселян, замерших в изумлении, но Лоренхольда было уже не остановить.

– Беги со мной, друг! Беги отсюда! Что общего может быть у тебя с твоей бескрылой женой?!...

– Замолчи! Ты с ума сошел! Я люблю её!

– Это сейчас! А что будет потом, когда тебе запретят сначала летать в эти горы, потом на Сверкающую Вершину и, наконец, ты не сможешь даже расправить крылья?! О чем ты будешь говорить с ней, не знающей восторгов полета в бескрайнем небе, когда ты на равных с Солнцем и Луной, а горы под ногами кажутся мягкими, словно легкое облако! Не зарыдаешь ли ты, глядя на своих детей, ползающих по камням, подобно гардам? Какие истории будешь им рассказывать? Про высокие города на вулканах? Про мудрых Иглонов и их народ? Про тайны, которыми наполнено розовое облако на рассвете?... Или предоставишь своей жене право поведать поучительную историю о предке-убийце?...

Толпа вокруг постепенно росла. Привлеченные криками Лоренхольда из своих гнездовин повыводили поселяне. Кое-кто из них еще натянуто улыбался, считая все происходящее лишь неудачной шуткой. Но большинство разобралось, в чем дело и так уже не считало. Их знания языка орелей вполне хватало, чтобы понять, о чем Лоренхольд говорил, и это им совсем не нравилось. Лица поселян делались все суровее, и все чаще начали они недоброжелательно поглядывать на группу молодых Летающих орелей, жмущихся к ограде ближайшей гнездовины. Не зная в чем дело, те поначалу были страшно напуганы странным поведением своего сородича. Но, по мере того, как Лоренхольд говорил, испуг на их лицах начал сменяться пониманием. Парень, конечно, не в себе и, пожалуй, слишком резок, но в словах его, несомненно, была доля правды.

Клиндорг тоже выглядел смущенным, однако, последняя фраза приятеля о прародителе-убийце совершенно его возмутила.

– Помилуй, Лоренхольд, это-то тут причем?!

– При чем?!...

Орель на мгновение запнулся. Он не был уверен в своем праве рассказывать кому-либо об ужасной находке, прежде чем о ней узнают Иглоны. Но в памяти всплыла увиденная недавно картина – мертвый Тихтольн в тесной пещерке, его высохшее, сморщенное, как у старца лицо – и Лоренхольд не смог промолчать. Он обвел глазами толпу, усмотрел понимание в лицах своих сородичей и, обращаясь только к ним, заговорил:

– Я надеюсь, все вы помните нашу с Тихтольным выходку? Как, в обход запрета, мы тайком прилетели сюда, чтобы посмотреть на Гнездовище? И, как потом, ошибочно испугавшись того, что местные жители умеют летать, Тихтольн отправил меня домой, а сам вернулся? Он знал, чувствовал, что поселянам доверять нельзя и стал первой жертвой! Тут недалеко, на этой вот скале, есть пещерка, в которую затолкали его мертвое тело! Эти потомки убийцы недалеко ушли от своего прародителя! Они убили Тихтольна и даже не потрудились как следует скрыть его могилу!...

Толпа в ужасе отшатнулась, а лица Летающих исполнились гневом. Не обращая внимания на растерянность и замешательство среди жителей Гнездовища, они подались вперед и закричали, перебивая друг друга:

- Где это, Лоренхольд?!?!...
- Покажи нам!...
- Ты точно видел Тихтольна?...
- Ты уверен, что его убили?...
- Но за что?!?!

– Я покажу вам и объясню за что! – Лоренхольд распалялся все сильнее. – Знаете, чего они хотят больше всего? Снять проклятие Хеоморна, наложенное на весь их род! Говорят, что Генульф целую пещеру покрыл своими записями. Видимо раскаялся в конце жизни и захотел объяснить, наконец, зачем совершил свои злодеяния. Но пещера погибла в Обвале, а её обломки с остатками записей здесь тщательно скрывают. Поройтесь на заднем дворе у Старика, что живет возле чаши – там их предостаточно закопано! Тихтольн, видимо, тоже что-то нашел и поплатился за это! Его могила была завалена камнем, явно принесенным с другого места. Наверное, его там тоже прятали, потому что какие-то записи на плоской стороне были. К сожалению, я их не прочел – не до того было, да и камень раскололся при падении – но причина, по которой моего брата убили, полагаю ясна!

Смятение среди поселян достигло предела. То, в чем их обвинял этот Летающий, было чудовищно! Растерянно переглядывались они друг с другом, и только Торлиф, стоявший и слушавший в некотором отдалении, оставался спокоен.

Наконец-то!

Этот парень высказался так, что лучше не придумать!

Вот сейчас его, Торлифа, как старейшину, попросят что-нибудь ответить, и он ответит! Ответит так, чтобы никогда больше никого из Летающих орелей в Гнездовище не увидели!

– Торлиф, Торлиф! – закричали в толпе. – Скажи же что-нибудь!

Старейшина Гнездовища ласково улыбнулся.

– Конечно.

Он подошел к Лоренхольду, но разговаривать стал не с ним. Повернувшись к орелю спиной, Торлиф заговорил, обращаясь только к поселянам и, в противовес крикам Лоренхольда, голос его был мягок и вкрадчив.

– Наш гость очень возбужден. Похоже, он немного не в себе, и мы должны отнестись к этому со снисхождением. Тем более что обвинения просто смехотворны. Мы уже говорили, что не видели пропавшего орелина. Но, даже если это не точно, и кто-то из вас его все же видел, но скрыл это, то каким образом смог бы он отнести тело в горы? Никто из наших не в состоянии взлететь на дерево, не говоря уже о скале...

– А Старик! А пропавший мальчишка! – закричал Лоренхольд.

Торлиф, не оборачиваясь, снисходительно улыбнулся, словно сзади капризничал неразумный ребенок, которому не следовало потакать ради его же блага.

– Старик слишком стар, а Нафин – слишком юн. Где им убить молодого, здорового и, конечно же, сильного Летающего ореля! Кажется, наш обличающий гость клеветает на своих же сородичей, намекая на их слабость...

По группе Летающих пробежал возмущенный ропот, когда те, кто хорошо знал язык, перевели остальным слова Торлифа. Но жители Гнездовища, которых было намного больше, заставили их замолчать и попросили старейшину продолжить.

С трудом скрыв удовлетворение Торлиф изобразил на лице печаль и развел руками, как будто извинялся за то, что не хотел, но вынужден говорить горькую правду.

– Всем нам известно, что наш прародитель Генульф был изгнан за тяжелое преступление. Но разве он родился в Гнездовище? Нет! Он основал его, придя сюда со Сверкающей Вершины! И здесь, к счастью, никого не убивал. Поселянам подобное злодеяние не знакомо. Зато предки наших блистательных гостей, очевидно, были знакомы с ним очень хорошо, и примером тому, как ни печально, может служить именно наш прародитель. Поэтому немного странно, что род-

ство с ним вменяют нам в доказательство того, что все мы тут склонны к убийствам! Я теряюсь в догадках – зачем это нужно, но... Страшно предположить, но, может быть, наш обвинитель измыслил все эти чудовищные вещи, чтобы прикрыть ими своё собственное злодейство!...

Клиндорг громко вскрикнул и попытался что-то возразить, но ему не дали. Поселяне угрожающе придвинулись, а малочисленные Летающие орели сочли за благо удержать его и послушать, что будет дальше.

– Ну да, конечно! – хлопнул себя по лбу Торлиф, будто его только что осенило. – Мы же все несколько мгновений назад слышали, как этот юноша говорил, что прилетел вместе со своим братом поглазеть на нашу жизнь вопреки запрету. Это очень плохо, конечно, и в Гнездовище такое вряд ли могло произойти. Но меня сейчас больше всего заботит, почему домой вернулся только один? С какой стати второй остался следить за нами? Мы много лет тихо и мирно живем своей жизнью, никому не мешая, и эта слежка выглядит как-то глупо! Я бы даже сказал – неестественно и неправдоподобно. Но, если предположить, что орели, тайком прилетевшие сюда, по какой-то причине повздорили, и один убил другого, случайно или намеренно, а потом спрятал тело, завалив тайник первым попавшимся камнем, то все становится похожим на правду и выглядит вполне логично! Поэтому убийца и не показывался у нас все это время – из-за неприятных воспоминаний, или из-за боязни выдать себя как-нибудь... Но потом он раскаялся, а может, узнал, что пропавшего ореля все-таки собираются искать, и прилетел к месту преступления. Благо повод нашелся подходящий – сестра выходила замуж. А здесь уже, пользуясь нашей открытостью и радушием, вызнал кое-какие тайны и придумал, как сделать этих ничтожных нелетающих глупцов ответственными за убийство своего брата! Причем, в ход пошло все, даже Генульфовы записи, которых мы в глаза не видели. Но даже если бы и видели, то молодой человек не принял в расчет то, что мы не умеем читать. А, чтобы скрывать так усердно какую-то тайну, нужно, по меньшей мере, знать, о чем она.

И Торлиф снова развел руками под одобрительные крики поселян.

Лоренхольд ничего не понял из речи старейшины. Язык Гнездовища был ему незнаком. С Сольвеной они общались без помех, потому что девушка прекрасно выучила орелинский, но сейчас он мог только по лицам притихших сородичей понимать, что говорится что-то ужасное. Наконец, Клиндорг, понимавший больше других, заплетающимся языком перевел ему то, что было сказано, и мир почернел в глазах Лоренхольда. Он рванулся к Торлифу, однако старейшину загородили собой поселяне. Тогда, беспомощно осмотревшись по сторонам, юноша вдруг заметил в толпе Сольвену и, радостно вскрикнув, бросился к ней. Девушка пыталась сопротивляться, но Лоренхольд все же вытащил её за руку на середину пустого пространства, образовавшегося вокруг Летающих, и закричал:

– Сольвена, скажи им! Ты же знаешь, что твой сбежавший приятель виделся в тот день с моим братом! Скажи, что Тихтольн был еще жив, что я не убивал его!!!

– Но я не знаю! – Сольвена вырвала руку и попятилась. – Я только предположила, что они встретились, но не уверена в этом! Нафин мог найти твоего брата уже мертвым и просто похоронить его. Откуда мне знать, как было дело?!

– Но ты же слышала, в чем меня обвиняют!...

– А разве ты не обвинял в том же самом Нафина? Ты первый начал, и не проси, чтобы я выгораживала тебя! Кто ты такой? Я вижу тебя всего второй раз, брата твоего вообще не видела, и, кроме того, что Нафин не мог убить, больше в ваших делах ничего не знаю!

Сольвена посмотрела в помертвевшее лицо Лоренхольда и, прежде чем уйти обратно, к своим, еле слышно прошептала:

– Я же говорила тебе – не лезь в это дело. Вот и ты с ума сошел...

Но Лоренхольд её уже не слышал. Он повернулся к своим сородичам и потерянно спросил:

– Вы тоже мне не верите?

– Я верю!

Вперед выступил незнакомый Лоренхольду орелин средних лет.

– Я помню тот день. Был в охране дворца Нижнего города, когда тебя привели. Мой товарищ – рофин рассказывал тогда, что со своей сторожевой башни на вулкане видел на старой дозорной площадке двух орелей. Один из них полетел в город, а другой – в горы. Тот, который прилетел в город, был ты, значит, второй был Тихтольн. И он был жив!

Летающие взволнованно зашумели. Выходило, что Тихтольна действительно убили именно здесь! И слова Торлифа предстали перед ними в ином свете. Если бы он просто сказал, что ничего не знает, что готов вместе с ними провести расследование, поселян вряд ли можно было бы заподозрить в злом умысле. Но старейшина сразу перешел в наступление и говорил так, словно давно к этому готовился. Не означает ли это, что здесь знали об убийстве и теперь пытаются выгородить виновного?

– Об этом следует немедленно доложить Иглонам! – твердо сказал страж Нижнего Города. – И если все со мной согласны, то улетать отсюда нужно сейчас же!

– Нет, подождите, так нельзя! – воскликнул Клиндорг, глядя с какой готовностью все кивнули. – Мы бросаемся обвинениями, хотя еще вчера мирно сосуществовали и восхищались друг другом! Тихтольн ведь мог погибнуть по роковой случайности! Вы же слышали, что сказала Сольвена! Тот, пропавший мальчик не мог убить, а больше некому...

– И ты веришь им?! – перебил его Лоренхольд. – Неужели любовь к поселянке так тебя захватила, что затуманила твой разум? Они же завидуют нам, и, кто знает, может быть, втайне ненавидят! Тихтольна просто убили, а с такими, как ты поступят по-другому: заманят в свои сети и превратят в бескрылых, как они сами!

– Неправда! Нижние орели всегда были добры к нам!...

Клиндорг хотел еще что-то сказать, но тут снова раздался голос Торлифа:

– Нижние орели! – издевательским тоном передразнил он. – Нижние! Вы слышали, жители Гнездовища, какое прозвище они нам дали?! Мы, конечно, вроде бы орели, но нижние! Ничтожные! Не умеющие летать существа, которые ползают где-то под ногами истинных орелей, живущих в великолепных городах в поднебесье и снисходящих к нам в знак особой милости! А мы «были добры к ним»! Просто добры! Не равны, нет, об этом речи не идет! Всего лишь забавный народец и жалкое подобие подлинности! «Ну надо же, и это вы делаете, как мы!...», – уверен все из вас слышали такое неоднократно от наших гостей, и я удивлен, почему до сих пор мы это терпели!... Но теперь довольно! Блистательные орели высказались достаточно ясно! Думаю, все мы понимаем, что в Гнездовище им больше не место, как и нам, таким ничтожным, не место на их Сверкающей Вершине!

– Согласен! – громко заявил на языке поселян страж Нижнего Города. – Потому улетаю сию же минуту!

Он в двух словах перевел тем, кто не все понял, слова Торлифа и расправил крылья.

– Отлично! – воскликнул Лоренхольд. – Мне нечего возразить! Но сначала я заберу сестер. Они ни на мгновение здесь не задержатся!

– Верно! – подхватил страж. – И всех остальных, кто еще ничего не знает, тоже нужно забрать!

Бросив надменный взгляд на поселян, орели плавно поднялись в воздух и полетели, кто куда. Некоторые – с Лоренхольдом, а остальные – к знакомым гнездовинам, где еще оставались их сородичи. Поселяне хотели, было последовать за ними, но Торлиф не дал.

– Пусть улетают, – сказал он. – Я буду очень рад, если больше никогда не увижу в Гнездовище ни одного из этих большекрылых гордецов!

Он насмешливо глянул на Клиндорга, одиноко и потерянно стоящего на том месте, с которого только что разлетелись орели, и ушел.

А вскоре над Гнездовищем поднялась целая стая Летающих, которая плавно, с большим достоинством, набрала высоту и потянулась в сторону Сверкающей Вершины. Через мгновение от неё откололась небольшая группка во главе с Лоренхольдом, чтобы взглянуть на страшный тайник на скале, и в поселении остались лишь те немногие, которые успели завести семью.

Печально сидели они в гнездовинах, держа за руки своих избранников, и не знали, какими словами утешить друг друга.

* * *

Лоренхольд был так взбешен отказом сестры лететь с ним, что не сразу нашел нужное место. Но, когда орели опустились на площадку, где в пещерке лежало тело Тихтольна, его гнев вернулся в прежнее русло.

Лоренхольд смотреть на брата ещё раз не стал, лишь задумчиво стоял в стороне пока его коленопреклоненные сородичи, накрывшись крыльями, словно шатром, говорили, каждый по-своему, как они скорбят по Тихтольну.

«Прости, брат, – шептал он сам себе, – прости, что не стою сейчас с другими. Но сначала я должен решить, как отомщу за тебя, а потом ты узнаешь всю боль моего сердца, которая не утихнет до самой смерти!».

На всякий случай Лоренхольд решил поискать останки того камня, которым прежде был укрыт вход в пещерку, но, увы, нашел всего лишь мелкие обломки с ничего не значащими фрагментами слов.

– Лоренхольд! – позвал сверху страж Нижнего Города. – Оставь это, нам нужно решить, что делать дальше.

Орели уже завершили скорбный ритуал, заложили поплотнее могилу Тихтольна найденными вокруг камнями, и теперь понуро стояли на площадке.

– Меня зовут Тористин, – сказал страж, протягивая Лоренхольду руку, – и будь я трижды проклят, если мы оставим это злодеяние безнаказанным! Сейчас самое время лететь к Великому Иглону и просить его покарать виновного, кем бы тот ни оказался!

– Виновен, скорей всего, сбежавший мальчишка, – сказал Лоренхольд. – Все указывает на это. Он видел нас с Тихтольном, забрал наши сосуды, но потом забрал их и из своей гнездовины. Раньше я считал, что он хотел отнести еду Тихтольну, которого неизвестно зачем прятал от своих сородичей, но теперь уверен – мальчишка просто уничтожал все следы нашего пребывания здесь!

– Плохо! – нахмурился Тористин. – Мальчишка улетел уже давно, и теперь его не найти...

– Улетел ли, – усмехнулся Лоренхольд. – Куда? Без еды и питья искать детей Дормата неизвестно где?...

Он заметил удивление на лицах орелей и вкратце пересказал им то, что узнал от Сольвены о предсказании, о якобы помешательстве Нафина и его отца на поисках детей Дормата и об украшении Тихтольна, найденном в тайном убежище под скалой. Заодно он поведал и о своей находке на заднем дворе древней гнездовины, в которой жил Старик и высказал предположение, что мальчишку просто прячут.

Орели молча переглянулись. В том, что произошло убийство, никто больше не сомневался. Мотив был очевиден. О пещере Генульфа многие слышали от поселян, но те уверяли, что записи безвозвратно погибли. Теперь же выясняется, что кое-что уцелело и старательно скрывается! А раз в поселении были орели, всерьез относящиеся к странноватому предсказанию, то, что им мешало так же серьезно относиться и к сокрытию тайны, в Генульфовых записях? Настолько серьезно, что ради этого они не остановились даже перед убийством!

– А теперь представьте себе, – продолжал Лоренхольд, – что в своей пещере Генульф указал куда таинственные облака унесли нерожденных детей! Представьте, что малютки все же

родились, более того – выжили! А может быть даже.., нет, это уж совсем невероятно.., хотя.., как же я раньше-то не подумал! – Лоренхольд вдруг схватился за голову. – Старик – сын Генульфа и до сих пор живет! Что если и дети Дормата до сих пор живы?! А Старик, верный заветам отца, не желавшего, чтобы правили наследники его брата, хранит в тайне местоположение законных правителей?! Он будет ждать их смерти и только потом умрет сам! Видимо причина, по которой Генульф решился на свое преступление, настолько ужасна, что о ней не должен знать ни один орель со Сверкающей Вершины! Но одному нести подобное бремя тяжело. Или Старик не был уверен в собственном долголетьи, потому готовил себе смену – сначала отца мальчишки, а потом и его самого. По указке Старика эти несчастные рылись в Обвале, чтобы ни одно слово из пещеры Генульфа не осталось не припрятанным, а глупое, малопонятное предсказание было выдуманно, чтобы как-то обосновать эти раскопки. Они могли застать Тихтольна за чтением текста с того камня, который я по несчастию разбил, и убить. Потом Старик велел мальчишке спрятаться, а его исчезновение объяснил все тем же предсказанием!...

– Не знаю, не знаю, – Тористин задумчиво потер подбородок. – Все это немного странно. Зачем Генульфу вообще понадобилось оставлять какие-либо записи, если он не хотел, чтобы их прочитали?

– Трудно сказать. Возможно, он оставил объяснения для тех, кто придет после его сына. Генульф ведь не знал, что Старик проживет так долго. Потому и выбрал отдаленную пещеру внутри хребта, которую легко было бы охранять, а при необходимости завалить навеки! Но невероятный удар молнии разрушил его планы, и Старика ничего другого не оставалось, как собрать и перепрятать то, что удалось найти.

Тористин некоторое время молчал, размышляя, а потом повернулся к остальным.

– Я начинаю думать, что Лоренхольд прав, – сказал он. – Убийство очевидно, мотив имеется, доказательством чего служат обломки пещеры, укрываемые Стариком, да и пропавший мальчишка... Куда он мог улететь? На Сверкающей Вершине чужаков не появлялось, а в заснеженных горах и, тем более, на земле, орелю не выжить. Он прячется где-то здесь. Может быть, в гнездовине самого Старика, там ведь никто никогда не бывал...

– Был.., – прошептал Лоренхольд, бледнея от собственной догадки. – Там был Великий Игло. Он провел в гнездовине Старика все время, пока мы находились в Гнездовище в тот первый прилет. А обратно летел смущенный и чем-то расстроенный. Все тогда решили, что это от волнительного дня и бессонной ночи, но я уже давно подозреваю, что это не так! Возможно, его смутила тайна, которую Старик все же открыл, но почему Правитель никому ничего не сказал?...

– Поступки Иглонов не обсуждаются! – предостерегающе поднял руку Тористин. – Донахтиру лучше знать, что нужно делать, а что не нужно, и если он решил оставить тайну Старика тайной, то я готов это принять. Но Правитель ничего не знает об убийстве! А это многое меняет. Хитрый Старик обманул и его рассказом о том, что Тихтольн улетел вместе с их мальчишкой. Разве не это все мы услышали, когда Правитель вернулся? Но убийца должен быть найден и наказан. Поэтому мы немедленно летим в Главнейший город, все рассказываем и просим у Великого Иглона дозволения обыскать Гнездовище.

Орели содрогнулись. То, что предлагал страж Нижнего Города было мерой исключительной, и никогда прежде орели со Сверкающей Вершины ничего подобного не совершали. Но и сама ситуация была исключительной тоже.

– Я согласен, – подал голос один из них. – Со всем этим необходимо разобраться. Тайны тайнами, но произошедшее сегодня мне ужасно не понравилось. Особенно слова их старейшины о том, что убийство для нас дело обычное!...

– Я тоже согласен, – откликнулся другой. – Но более потому, что терпеть не могу ложь! Они лгали нам, что рады нас видеть, что готовы принимать в своих семьях и делиться всем,

что имеют, а сами в это же время ненавидели, считая заносчивыми гордецами! Такое трудно простить, особенно тем, кого искренне уважал...

– И я уважал! – горячо поддержал третий. – И никогда не обращал внимания на то, что они нам не ровня! Какая, в конце концов, разница?! Их предки породнились с бескрылыми из Долины, вряд ли считая живущих на земле равными себе, однако, это никому не мешало!

– Видимо, они их считали «нижними», – усмехнулся Тористин, – потому-то старейшина и говорил с таким знанием дела о том смысле, которое вкладывает в это слово. Но о своем отношении к поселянам и их поступкам мы поговорим позже, а сейчас нужно не мешкая лететь домой...

– Нет!

Лоренхольд стоял на самом краю площадки и смотрел на Гнездовище, казавшееся отсюда крошечным и мирным.

– Нет, Тористин, – повторил он, – домой мы сейчас не полетим. Было непростительной ошибкой не забрать с собой найденные обломки. Ты прав, что Иглоны мудры и лучше нас знают, как нужно поступить. Но что будет, если в своей мудрости они решат считать смерть Тихтольна роковой случайностью, а ссору с поселянами досадным недоразумением? Что если они, как прежде, наложат запрет на полеты в Гнездовище, оставив все остальное, как есть?! У тебя там никого не осталось, а у меня в поселении сестра! И еще несколько орелей, чьи близкие сойдут с ума от беспокойства! Теперь это дело не только мести, но и их спасения! А с обломками Генульфовой пещеры в руках мы дадим понять Правителю, что знаем много больше, чем ему бы хотелось, но готовы молчать, если он поступит по справедливости, а не так, как может подсказать ему его мудрость и трезвый расчет!

– Ты хочешь пойти против Великого Иглона?! – отступил на шаг Тористин.

– Нет, я всего лишь хочу найти и наказать убийцу брата и спасти тех, кто здесь остался от унижений, которым их теперь подвергнут поселяне. К тому же нам не обязательно показывать остатки записей сразу. Возможно, Правитель и без этого с нами согласится.

– Верно, верно! Он прав! – закричали остальные орели.

– Что ж, – развел руками Тористин. – придется, видно, и мне с вами согласиться.

– Тогда летим! – воскликнул Лоренхольд. – Я покажу вам, как подобраться к гнездовине Старика незаметно. И хотя нам нечего таиться, потому что правда на нашей стороне, все же лучше пока не привлекать к себе внимания.

– Летим, – кивнул головой Тористин, расправляя крылья. – Сделаем это немедленно! Заберем проклятые обломки, пока этот хитрец не перепрятал их получше!

И орели бесшумно полетели вниз, к подножию скалы.

* * *

Торлиф шел по Гнездовищу с легким сердцем. Его желание исполнилось! Летающих орелей в поселении больше не осталось! Те, семейные, которые забились в свои гнездовины, не в счет! Эти не станут задирать нос и кичиться огромными крыльями. Теперь они будут сидеть тихо и, если захотят сохранить свои семьи, то о Сверкающей Вершине придется забыть навсегда! Отныне поселение снова будет жить только своей жизнью.

С растущей радостью в душе наблюдал Торлиф, как в мгновение ока исчезли и были запрятаны подальше орелинские одежды. Он прислушивался к разговорам, которые вели, собравшись в кучки, его сородичи, и ликовал, потому что малейший промах, едва заметное неосторожное слово или неудачная шутка вчерашних блистательных гостей были вспомнаны и преувеличены в свете новых событий.

Ах, какой умница этот Летающий парень!

Одним махом он начал и завершил то, к чему Торлиф не знал, как и подступиться! Сколько бессонных ночей провел старейшина, перекатываясь с боку на бок на своем ложе, но так и не смог придумать способа, как заставить высокомерных гостей проявить себя во всей красе. Уж на что только он не отваживался! Пока никто не видел, как можно небрежнее разливал Серебряную Воду на самых видных местах, тайком срывал покрытия с гнездовин самых скандальных поселян, но все эти мелочи чудесным образом исчезали, не вызывая даже незначительного недовольства ни с одной, ни с другой стороны.

И вдруг, такая удача!

Вот уж воистину, сказано – сделано! И не какая-то мелкая ссора из-за сбитых листьев, а убийство!!!...

Конечно, само по себе оно не повод для ликования, и Торлифу было даже немного жаль того мертвого бедолагу, погибшего, скорее всего, случайно. Но из жителей Гнездовища никто такого не мог совершить, даже глупый Нафин, и совесть поселян чиста, зато избавиться от Летающих эта смерть помогла.

Сейчас они, наверное, спешат к своим Иглонам, чтобы пожаловаться, но те не так глупы и не затеют серьезного конфликта. Скорей всего, просто прекратят всякие отношения после того, как пожелают расследовать все обстоятельства смерти своего орелина.

Против этого Торлиф не возражал. Пожалуйста, сколько угодно! Он ни минуты не сомневался в том, что Великий Иглон рассудит так же, как и он сам и признает смерть результатом несчастного случая. А потом жизнь вернется в привычную колею. И самое приятное во всем этом то, что он, Торлиф, здесь совершенно не при чем! Никто из поселян, как бы ни обернулось дело, не сможет упрекнуть его в развязывании ссоры, никто не ткнет пальцем и не скажет: «это он первый начал». Нет! Торлиф – умница! Торлиф ни разу не повысил голоса, говоря с Летающими, зато был прям и честен, и отстаивал достоинство свое и своих сородичей. Даже теперь, когда распаляя самих себя и заводя друг друга, поселяне все злее и злее обсуждали тех, кого еще утром привечали, как лучших друзей, он только молча слушает, не раздувая еще больше уже бушующий пожар.

Но один неприятный момент все же был. Так, незначительное темное пятнышко, которое следовало, однако, прояснить. Тот кричащий орелин упомянул, что на заднем дворе Стариковой гнездовины спрятаны обломки Генульфовой пещеры. Самому Торлифу до них дела не было – он все равно не умел читать. Но тот факт, что Старик, вечно уверяющий всех, что от пещеры ничего не осталось, тем не менее, прячет у себя её обломки, настораживал. В другое время старейшина и на это не стал бы обращать внимания, но, если орели со Сверкающей Вершины затеют расследование, он должен быть уверен, что с этой стороны никакого подвоха не будет.

Зная, что Старик днем обычно спит, Торлиф бесшумно подошел ко входу в гнездовину и заглянул внутрь. Странное дело, там никого не было! Куда же он мог подеваться? Может быть, пошел на задний двор перепрыгивать то, что не должно было быть найдено?

Старейшина прислушался. Так и есть! На заднем дворе кто-то возился. Ох уж эти тайны, тайны!... Неодобрительно покачивая головой, Торлиф обогнул гнездовину и там замер, как вкопанный.

Несколько Летающих орелей, из числа тех, что утром затеяли ссору, а потом гордо удалились домой, вытаскивали из земли камни разного размера, обтряхивали их и что-то там читали, причем так увлеченно, что не замечали ничего вокруг!

У Торлифа потемнело в глазах. Так эти безупречные гордецы еще и воры! Он набрал в грудь побольше воздуха и что есть силы заорал:

– Сюда! Сюда! Жители Гнездовища, сюда! Тут воруют!...

Летающие в страхе подскочили и, схватив несколько камней, хотели, было улететь, но Торлиф в два прыжка настиг того, что был к нему ближе других и вцепился ему в руку.

– Нет, не улетите! Сначала вы объясните нам, что здесь делали!

Молодой орелин отчаянно вырывался. Другие, не успев улететь далеко, вернулись за своим товарищем, но тут через ограду перескочили несколько поселян, привлеченные криками, и кинулись на помощь старейшине.

Завязалась потасовка.

Никогда не дравшиеся орели, неумело толкали друг друга, пока несколько ощутимых и болезненных ударов не разозлили их настолько, что руки сами собой сжались в кулаки. Теперь это была уже не потасовка, а настоящая драка! Преимущество Летающих, которые могли в пылу схватки взмывать в воздух и оттуда наносить неожиданные точные удары, скоро сошло на нет из-за все прибывающих к месту побоища поселян. Уже появилась первая кровь, вытекающая из чьего-то разбитого носа, уже первые поверженные отползали в стороны, держась за подбитый глаз или тряся рукой, угодившей со всего маха в каменную стену гнездовины. Уже пыль, поднятая дерущимися, укрыла их полупрозрачным серым облаком, и только злобное рычание да глухие удары слышались перепуганным зрителям, сбегавшимся к ограде, когда чья-то тень перемахнула с улицы во двор и ринулась в самую гущу сражения. А через мгновение страшный крик взлетел над Гнездовищем, и все разом стихло.

Боясь пошевелиться и затаив дыхание, смотрели поселяне, наблюдавшие за дракой, на оседающее пыльное облако. Страшная картина открылась их взорам! У ног расступившихся орелей лежал тот самый юноша, который утром обвинял их в убийстве своего брата. А прямо над ним замер бледный до синевы Кантальф. Его рука все еще сжимала сверкающий клинок. Тот самый, который когда-то бескрылые из Долины подарили на свадьбу Усхольфы – одной из дочерей их прародителя. Тот самый, который Тевальд выпрашивал у Торлифа, чтобы украсить свой дом, в котором подрастал Нафин, и Метафта была еще веселой и полной жизни орелиной! Тот самый, который пронзил сердце Лоренхольда, наполненное болью по погибшему брату и навсегда соединил его с ним.

– Что это? Что это? – бормотал Кантальф, перебегая глазами с одного лица на другое. – Я же хотел его только оттолкнуть! Я не знал, что так получится! Он что?... Он разве умер?... Я не хотел! Я, правда, не хотел!...

Выронив клинок, он бросился бежать, расталкивая толпу у ограды, и скоро пропал из вида. Остальные стояли молча, не веря своим глазам, и потрясенно смотрели на мертвое тело.

Первым опомнился Тористин. Он упал возле Лоренхольда на колени и, схватив его безжизненную руку, закричал, обращаясь к своим:

– Ольт! Есть среди вас ольт?!!!

Но орели только отрицательно покачали головами.

– Он мертв, Тористин, – тихо произнес один из них. – Не нужно быть ольтом, чтобы понять это.

Всхлипнув, страж Нижнего Города на мгновение прижался лбом к руке Лоренхольда, но тут же снова вскочил на ноги, словно не желая, чтобы его скорбь здесь видели. Клинок, брошенный Кантальфом, валялся совсем рядом. Тористин поднял его, с ненавистью сжав в руке, и тяжелым взглядом обвел притихших поселян.

– Убийцы! – выдавил он сквозь зубы. – Вы снова убили! Но теперь мы это видели! Тихтольн с Лоренхольдом были правы – они никогда вам не верили! – он угрожающе поднял перед собой клинок. – Теперь только попробуйте, суньтесь! Сейчас мы заберем нашего друга и улетим. И, если кто-то из вас сдвинется с места, клянусь вулканом, на котором живу, я...

– Ни слова больше, Тористин! – воскликнул один из орелей. – Не опускайся до их уровня даже в речах! Мы немедленно улетаем отсюда!

Он склонился над Лоренхольдом и бережно поднял его за плечи. Еще двое кинулись помогать. Втроем орели подхватили безжизненное тело и вместе с ним поднялись в воздух. Остальные молча потянулись следом.

Последним взлетел Тористин, все это время не спускавший с поселян белых от бешенства глаз. Уже в воздухе он с отвращением взглянул на клинок в своей руке и, что есть силы, швырнул его вниз. Клинок со звоном упал на камни. Как раз те самые, ради которых орели и вернулись сюда на свою беду.

Жители Гнездовища, которые про убийства знали только из дошедших до них сказок бескрылых, стояли на своих местах, потрясенные настолько, что даже когда Летающие скрылись из вида, никто из них не мог ни пошевелиться, ни произнести хотя бы слово.

Наконец, в какой-то гнездовине заплакал ребенок, и две орелины – совсем молодая и постарше – бросились к нему, успокаивать. Только после этого по рядам поселян пробежала дрожь, и все они, как один, повернули головы к старейшине с немym вопросом: что теперь будет?

Но Торлиф ничего не мог сказать. Трясущимися руками закрыл он лицо, сдавленно бормоча сквозь пальцы:

– Что же мы наделали! Что же мы наделали! Теперь нам всем конец!

После такого жителям Гнездовища стало совсем тошно. Еще смутное, но уже несказанно жуткое ощущение, что конец действительно близок, сжало их холодеющие сердца в неумолимых тисках. Даже те, кто пропустил все происшедшее и прибежал к гнездовине Старика много позже, уловили это ощущение, словно висевшее в воздухе. Они спрашивали о том, что случилось тихо, почти шепотом, и, услышав ответ, замирали рядом с остальными. Казалось, что каким-то волшебным образом известие о совершенном убийстве обездвиживало их, лишая всякой воли.

Но долго это продолжаться не могло. На смену скорбному бездействию должно было придти какое-то действие. Требовался лишь толчок, и он не замедлил явиться.

Неожиданно в воздухе послышалось хлопанье крыльев, заставившее Торлифа очнуться. Он беспомощно забегал по заднему двору Стариковой гнездовины, дергая всех и крича:

– Они возвращаются, возвращаются! Бегите, жители Гнездовища, спасайтесь! Пощады никому не будет!

Однако паники не случилось.

Стоявшие на улице за оградой уже увидели того, кто спускался в поселение.

Это был Старик. И летел он не со стороны сверкающей Вершины, а от Обвала. Огромные крылья устало вздымались и опускались, и сам Старик дышал так тяжело, словно пролетел огромное расстояние без отдыха.

То, что почти все поселение собралось перед его гнездовиной удивления, похоже, не вызвало. Миновав расступившуюся толпу, Старик молча и очень быстро прошел напрямик на задний двор, туда, где метался Торлиф.

– Что здесь случилось?

Вопрос был задан таким тоном, каким обычно спрашивают о том, чего давно ждали и хотят лишь уточнить, как именно это произошло.

– Мы убили Летающего ореля! – закричал Торлиф, сверкая безумными глазами. – Что теперь делать, Старик! Теперь мы виновны! А они... Они вернутся, чтобы отомстить, и будут правы! Правы!...

Он еще что-то кричал, но Старик словно оглох. Едва услышав про убийство, он болезненно зажмурился и отступил на шаг.

– Убили!...

Один из поселян, стоявший ближе других, печально наклонил голову.

– Мы не хотели... Летающие что-то выкапывали на твоём дворе, а Торлиф их заметил и позвал нас... Никто никого убивать не собирался! Кантальф случайно притащил сюда ту сверкающую палку, что хранилась у старейшины. Он хотел всего лишь оттолкнуть Летающего, а вышло вон как...

Старик тяжело посмотрел на выкопанные камни, на валяющийся возле них клинок, на котором засыхала, темнея, кровь орелина со Сверкающей Вершины, и подошел к старейшине.

– Торлиф, – глухо сказал он, – всем вам срочно нужно уходить. Я знал, что случится что-то нехорошее, но надеялся, что оно случится не так скоро, и уж конечно не ожидал, что будет таким ужасным... Теперь главное – успеть уйти... Приди в себя! – прикрикнул он, заметив, что старейшина его едва понимает. – Соберись, вели всем жителям Гнездовища взять самое необходимое и, как можно скорее, води их к Обвалу! Дальнейший путь я укажу...

Поникший, совершенно сломленный Торлиф, ссутулив плечи, послушно вышел за ограду и передал тем, кто не слышал, слова Старика.

Ответом ему было молчание.

Поселяне, еще утром мирно начавшие день по давно заведенному порядку, трудно осознавали, что всей их прежней жизни пришел конец. Но Старик, вместе с тем, показалось, что за этим молчанием кроется нечто большее, нежели только боль и осознание утраты. Как будто все его сородичи, подобно ему самому, исподволь ждали подобной развязки и теперь безмолвно смирились с неизбежным. Вряд ли они знали о второй части предсказания, но, может быть, частица Генульфа, живущая в каждом, в течение всей жизни нашептывала им: «не ослабляйся, не погрязай в безмятежности, все это кончится, кончится, кончится...».

С невыразимой болью и тоской смотрел Старик, как покорно расходятся его сородичи по своим гнездовинам, как постепенно пустеет улица и, когда последний орель скрылся из вида, Гнездовище на миг предстало перед ним таким, каким застанет его завтрашнее утро – пустынным и мертвым.

«Только бы Судьба не вздумала еще раз насмеяться надо мной, – прошептал он, закрывая лицо руками. – Хватит уже! Пусть они дойдут, пусть дойдут! И без них Гнездовища не станет!...».

* * *

Поздним вечером длинная вереница печальных орелей потянулась к Обвалу.

Старик уже стоял там, на самом краю, прилетев раньше других, благодаря своим крыльям. Он подождал, пока все подтянутся, и указал на валуны, спускавшиеся вниз подобно ступеням.

– Стихия позаботилась о вас. Она словно нарочно разметала эти камни так, чтобы по ним удобно было спускаться. Этот путь приведет вас далеко вниз. Идите и не бойтесь. Ни расщелин, ни опасных обрывов, ни осыпей там нет – я утром разведаль и кое-где оставил метки, по которым вы не собьетесь с дороги. Они на видных местах. Следуя им можно, без особой спешки, к вечеру завтрашнего дня добраться до начала пологого спуска в Долину. Там растут деревья и бьют ключи. Там вы передохнете, а дальнейший путь выберете сами. Не бойтесь, Летающие не полетят так низко... Идите в Долину, найдите новое место для жилья и стройте новое поселение. Я с вами не пойду. Причин тому несколько, но главная та, что я слишком долго скрывал от вас правду. Но, верьте, лишь потому, что хотел уберечь вас от беды и обыграть Судьбу. Увы, по-моему не вышло. Потому мне и отвечать перед Летающими. Ничего, я свое пожил, а ваше спасение будет мне великой отрадой... Все! Больше тратить время на пустые слова не стоит. Простите меня мои друзья, мои сородичи за все, в чем я был неправ перед вами, и ступайте! Путь у вас долгий, а быстро идти вы не сможете...

Старик замолчал, улыбнулся какому-то малышу, таращившемуся на него с материнских рук, и отступил в сторону, освобождая дорогу.

Молча, с низкими поклонами проходили мимо вчерашние соседи. Мужчины несли сосуды и плетеные короба с запасами еды, молодые женщины вели за собой или держали на руках детей, а пожилые тащили узлы с одеждой.

Старик провожал взглядом уходивших. Он жадно и отчаянно осматривал каждое лицо, словно запоминал, впитывая в себя до последней черточки, всех тех, с кем прожил бок о бок последние годы своей долгой жизни, и кого не увидит больше никогда. С особой горечью провожал он тех немногих Летающих, кто не пожелал покинуть свои семьи – печальную Гесту, Клиндорга... Каково им сейчас, оставляющим много больше, чем все остальные? Идут, держа за руки своих возлюбленных – единственную опору в новой неизвестной жизни, и прячут свои слезы. Как скоро их начнут считать «своими»? Да и начнут ли...

Старик заметил Кантальяфа, идущего немного в стороне от других. Вот кому еще должно быть тяжелее прочих! Бремя вины не сосуд с водой – не отбросить, не расплескать!... Наверное сейчас ему нужней всего доброе слово... Но юноша, мельком подняв на Старика глаза, словно прочел его мысли и, замотав головой, отвернулся.

Последним шел понурый Торлиф. Старейшина протянул Старику руку, но тот вдруг вздрогнул, заметался взглядом по спустившейся вниз цепочке поселян, и закричал:

– Стойте, стойте! А где Метафта?!

Все остановились.

– Она не пошла с нами, – печально молвил Торлиф. – Я пытался её уговорить, но... Ты же знаешь мою сестру...

– Что значит «не пошла»?! – Старик едва не задохнулся от гнева. – Уйти должны все! Все! Он сердито взмахнул крыльями и взмыл в воздух.

– Торлиф! – крикнул уже улетаая. – Пусть все уходит, а ты подожди! Я скоро приведу её!

Вне себя от бешенства Старик долетел до Гнездовища в считанные минуты. Резко, так, что заныло плечо, свернул крылья и рывком распахнул дверь в гнездовину Метафты.

Та сидела на скамье у стены, опустив голову, и держала в руках сосуд. Старик сразу узнал его. Этот сосуд, сделанный и украшенный собственноручно, Тевальд подарил Метафте в день их свадьбы. Он очень гордился своим подарком, потому что украшением ему служили изображения жениха и невесты, которые смотрели друг на друга, взявшись за руки. И, если себя Тевальд изобразил очень просто, без затей, то для Метафты постарался вовсю...

Разлетевшийся было Старик замер у входа. Он вдруг словно впервые увидел эту гнездовину, где все буквально кричало: «Тевальд, Тевальд!». И рассыпанные по столу старые игрушки Нафина, которые он сделал, и сушилка для листьев, заботливо пристроенная им у окна на солнечной стороне, чтобы Метафта не бегала лишний раз на улицу, и стена, возле которой она сидела. Там каждый камень Тевальд украсил рисунком о том или ином знаменательном дне из их жизни. Жизни, проведенной в Гнездовище...

– Чего тебе? – глухо спросила женщина.

Старик сглотнул ком, застрявший в горле, и решительно шагнул внутрь.

– Ты должна уйти вместе со всеми, – сказал он, как можно тверже.

– Должна! – Метафта усмехнулась. – Кому это, интересно, я должна? Тебе, для очистки совести или Летающим? – она покачала головой. – Нет, не думаю. И тебе, и им на всех наплевать... Или ты хочешь сказать, что я должна уйти ради Нафина, чтобы он вернулся в опустевший дом? Или ради Тевальда, который делал и украшал все это не для того, чтобы в один прекрасный день та, ради которой он это делал, взяла и все бросила! Нет уж, Старик, если я кому-то и должна, то только ему – моему мужу! Он по-прежнему живет в этих стенах, в этих вещах, а значит и мне быть здесь до конца! Как я уйду от него? Как брошу все это? Что же тогда от нас останется?!

Она посмотрела на собирающегося возразить старика и замахала на него руками.

– Знаю, знаю, сейчас опять заведешь свою старую историю о предсказании: «Гнездовище должно погибнуть!». Что ж, коли так, то и я хочу погибнуть вместе с ним! Что там будет? Новый обвал, или Летающие сметут нас с этой скалы? Мне все равно! Я не побегу искать новое пристанище среди камней. Мое место здесь, рядом с Тевальдом!

Метафта с вызовом сверкнула глазами на Старика и гордо выпрямилась.

– Я больше не потерянная одинокая старуха. Прежняя Метафта вернулась, и она от своего слова не отступится. Уходи, Старик. Нам с мужем надо дождаться сына..., или смерти.

Женщина встала, повернулась спиной и, прижав к себе одной рукой сосуд Тевальда, другой принялась убирать старые игрушки Нафина в плетеный короб на полу.

Старик мгновение наблюдал за ней, а потом губы его искривила презрительная усмешка.

– Говоришь прежняя Метафта вернулась? – холодно бросил он. – Нет. Глупая орелина, которую я вижу перед собой, ничем на неё не похожа. Та Метафта, которую я знал, ни за что не осталась бы дожидаться гибели. Она первая увела бы всех подальше от опасности, используя малейшую возможность, чтобы выжить и начать новую жизнь. Жизнь без предсказаний и проклятий! Разве пришло бы в голову той, прежней, сказать, что Тевальд живет для неё в этих старых стенах и вещах! Нет! У той орелины любовь жила в её сердце, и, спасая себя, она считала бы, что тем самым спасает от забвения Тевальда! Спасает живую память о нем!... Она ни за что не поставила бы себя перед выбором: дожидаться сына или смерти! И, уж конечно, та Метафта, которую я знал прежде, не вынуждала бы своих сородичей остановиться на пути к спасению и терять драгоценное время, тогда как сама она горюет над прошлым, не оставив будущему ни единого шанса!...

Метафта словно окаменела. Пока Старик говорил, она слушала его не оборачиваясь, только крылья слегка подрагивали при каждом новом упреке. Но, едва он умолк, орелина повернулась, все еще прижимая к груди сосуд и последнюю неубранную игрушку, и её заплаканное лицо разжалобило бы даже скалу.

– Старик, – беспомощно прошептала она, – Старик, ты разрываешь мне сердце... Так жестоко!...

– Иначе нельзя, милая, – он покачал головой. – Разве смог бы я лаской и уговорами убедить тебя, что Гнездовище не в этих камнях, а в тех орелях, что стоят сейчас у Обрыва и терпеливо тебя дожидаются. Думаешь, кто-нибудь внял моим словам и пошел дальше, как я советовал, улетая за тобой? Нет. Все они там и стоят. Стоят и ждут, потому что без тебя новой жизни для них не получится... Потому поспеши, Метафта, и раздели с ними их участь. Что тебе нужно собрать? Я помогу.

Орелина растерянно осмотрелась.

– Да вот, только сосуд этот..., да игрушки...

– Хорошо.

Старик подхватил короб и двинулся к выходу.

– Я ведь уже собиралась..., – жалобно, словно оправдываясь, всхлипнула Метафта, спеша за ним, – хотела уходить..., но, когда разложила все...

– Не надо, я тебя понимаю.

Быстро, почти бегом, дошли они до Обрыва. Уже совсем стемнело, но зорко видящая в темноте Метафта сразу поняла, что Старик не солгал ей. Все стояли там, где застиг их его окрик. Только Торлиф, последний, оставался на самом краю. Он забрал короб с вещами и протянул Метафте руку.

– Идем, сестра.

Но она все же задержалась на мгновение.

– Старик, прости, что думала о тебе плохо.

– Ничего, я и это понимаю.

– Не держи на меня зла.

– Не буду.

– Когда Нафин вернется, скажи ему...

Она запнулась, подбирая слова, но Старик не дал ей договорить.

– Скажешь все, что нужно сама, – он ободряюще улыбнулся. – Нафин вас обязательно разыщет. Опыт у него уже будет.

Метафта прикрыла глаза и тяжело вздохнула. Потом, низко поклонившись, стала спускаться.

– Прощай, Старик, – Торлиф снова протянул руку. – Не знаю, зачем ты остаешься, но чувствую, что так нужно.

– Да, нужно.

– Что ж, прощай еще раз.

– Прощай.

Старик еще долго стоял над Обрывом, прислушиваясь к отдаляющимся шагам. Страшная усталость навалилась вдруг на него, сковав по рукам и ногам. Какой-то голос, уже издавна, что-то бодро прокричал ему. Что именно Старик не разобрал, но догадался – нашли его первую метку, и две обжигающие слезы благодарности выкатились из потухших глаз. Он и сам не ожидал, что его так тронет этот последний звук живого голоса.

«Они дойдут, – шепнул себе, стараясь не вспоминать об узких выступках, по которым едва мог проползти один бескрылый. – Должны дойти! Судьба не зря дала мне силы найти и расчистить им дорогу от огромных валунов, закрывавших проход». Он посмотрел на свои руки, ободренные в кровь, и, впервые за последнее время, рассмеялся, вспомнив с какой легкостью сбрасывал в пропасть мешающие камни. Потом он повернулся и пошел в Гнездовище.

Там, на заднем дворе своей гнездовины, Старик неторопливо, но очень добросовестно, разбил в прах все камни, еще недавно так тщательно укрываемые, подобрал клинок, положил его возле себя на скамью Рофаны и стал ждать.

Великий Иглон уже не один час стоял у окна в своих покоях и задумчиво смотрел на взволнованную толпу, заполонившую площадь перед дворцом.

То и дело туда-сюда сновали норсы и рофины. Первые, чтобы слушать и запоминать разговоры, а вторые, чтобы пресекать без конца вспыхивающие ссоры и перебранки. Но сегодня делать это было особенно трудно. Веками устанавливаемые порядки были забыты за какие-то

неполные два дня, и Великому Иглону, проводшему ночь без сна в обдумывании каждого слова из речи, которую он вот-вот должен был произнести, делалось не по себе. Прежних орелей он знал и понимал, а этих словно видел впервые.

Началось все позавчера, ближе к вечеру, когда в Восточный Город разом вернулись все гостившие в Гнездовище орели. Они сбивчиво поведали Ольфану – Главному Стражу дворца – о страшной находке Лоренхольда, о его ссоре с Торлифом и о том, что старейшина счел дальнейшее пребывание орелей со Сверкающей Вершины нежелательным в своем поселении. Никаких особенных подробностей прилетевшие сообщить не смогли, но заверили, что следом за ними вот-вот прибудет Лоренхольд с товарищами, и уж они-то расскажут, как было дело во всех деталях.

Но Ольфан и без того уже был встревожен чрезвычайно! Смерть ореля, причем смерть насильственная, как выходило из того, что он слышал, была событием невероятным, ужасным! И тот раскол, который едва наметился среди орелей, когда Тихтольн всего лишь исчез, мог вспыхнуть с новой силой.

Бывший Иглон Восточного Города немедленно поспешил к Форфану – Иглону нынешнему – и, вместе с ним, тоже потрясенным сверх меры, к Правителю.

Но новость Донахтира не потрясла. Более того, оба сразу заметили смущение, отразившееся на его лице, и насторожились.

– Великому Иглону что-то уже было известно? – осторожно спросил Форфан.

Донахтир помедлил с ответом, чем окончательно привел в замешательство дядю и брата, но, в конце концов, признался, что узнал о смерти Тихтольна в тот день, когда орели впервые посетили Гнездовище.

– Но разве мог я об этом кому-нибудь рассказать, когда и сам в первое мгновение решил, что Тихтольна убили?! Представьте, что бы здесь началось, принеси мы подобную новость! А так... Разве плох был наш союз с Нижними орелями? Разве не обогатил он нас новыми знаниями и впечатлениями? Не открыл новый, пусть маленький, но мир?...

– Все это так, брат, – перебил Форфан, но ты солгал родителям юноши!

– Я дал им надежду!

– Нет! Ты солгал им! Солгал, забыв, что ложь подобна облаку, прикрывшему скалу – дунет ветер посильней, и облако развеется, тогда как правда подобна скале и выстоит в любую непогоду!

– Но и скалы иногда рушатся, – тихо произнес Донахтир. – Любой её обломок, сорвавшись внезапно, может убить, тогда как легкое облако лишь незаметно тает, не оставляя следа...

– Легкое облако может обернуться грозой тучей! – в отчаянии воскликнул Форфан. – И ты должен понимать, что гроза сейчас собирается над твоей головой! Несчастливым родителям погибшего юноши, помимо личного горя, придется перебарывать разочарование в своем Правителе! И еще неизвестно, смогут ли они его перебороть!...

Ольфан испуганно вскинул глаза на племянников и деликатно попятился к двери. С тех пор, как он перестал быть Иглоном его положение мало чем отличалось от положения обычного подданного, а потому ссора Правителей для его ушей не предназначалась.

– Нет, дядя, не уходи! – удержал его Донахтир. – Тебе незачем уходить. Я не стыжусь содеянного, ибо сделал это во благо своего народа. Не вздумай Лоренхольд искать брата, мы бы и сейчас жили счастливо и мирно, а родители Тихтольна, вместо безнадёжного отчаяния, утешались бы тем, что их сын когда-нибудь вернется!... Надежда не самый плохой дар, который Правитель может дать своим подданным. Я готов взглянуть в глаза несчастным родителям, готов держать ответ перед ними!... Нелепая, случайная смерть их сына конечно ужасна, но, когда пройдет первая боль от свалившейся точно тяжелый камень правды, уверен, даже они признают, что многое бы отдали за то, чтобы снова получить возможность надеяться...

В этот момент с улицы донесся шум. Ольфан высказал предположение, что это, наконец, прилетел Лоренхольд и попросил дозволения пойти разведать.

Оставшись одни, братья переглянулись.

– Скажи, Форфан, – наклонив голову спросил Донахтир, – по-твоему, истинный Правитель должен следовать лишь тем правилам, которые установили задолго до него, или все же находить в себе силы для решений, принять которые требуют обстоятельства?

– Ты уже один раз принял решение, которого требовали обстоятельства, хотя мог бы этого не делать. Но ты полетел в Гнездовище, вопреки совету нашего отца, а он всегда следовал правилам, и при этом никто не смог бы назвать его слабым. Решительность и мудрость не одно и то же... Но тогда я не перечил. Я поддержал тебя, потому что, на твоём месте, сам бы, наверное, так поступил. Однако я точно знаю, что ни за что не скрыл бы смерть Тихтольна, пусть даже ценой распри между нами и Нижними орелями. Ты должен был провести расследование...

– Смерть была случайной...

– Неважно! Вспомни, что ты увидел в первое утро своей жизни Правителем? Раскол! Раскол среди орелей, вызванный всего лишь тем, что два мальчика ослушались запрета, и один из них, в результате, исчез. Тогда ты встал на сторону тех, кто считал, что пропавшего сородича необходимо найти. И это твоё решение все поняли. Почему же, найдя мертвое тело юноши, ты не пошел дальше и не затеял расследование?! Что заставило тебя так перемениться и солгать?! Почему ты, который по собственным словам сразу подумал об убийстве, так легко согласился с тем, что эта смерть была случайной? Тот Старик тебя убедил?

– Да.

– Но с чего ты взял, что он не лжет? Что такого необыкновенного в этом поселянине, раз сам Великий Иглон Сияющей Вершины готов лгать ради его спокойствия?!

Донахтир ответил не сразу.

Медленно он подошел к окну, шум за которым все не утихал, и заложил руки за спину.

– Форфан, ты ведь помнишь историю о детях Дормата, о Хеоморне и Генульфе? И помнишь, что для могучего столба рода орелинских Иглонов наш род – лишь подпорка. Мы не подлинны Правители...

– Не понимаю, к чему ты это говоришь.

– К тому, что дети Дормата живы. Амиссия сказала мне об этом, но окончательно поверил я в это лишь тогда, когда увидел Старика из Гнездовища. Он – сын Дормата.

Форфан сдавленно охнул

– Не может быть!

– Может. Он из рода истинных Правителей, и он ждет, когда придут остальные.

– Предсказание... – потрясенно прошептал Форфан.

– Да. Оно не глупая сказка, придуманная полубезумным Генульфом. Тот пропавший мальчишка на самом деле отправился на поиски. Он должен найти остальных детей Дормата, собрать их вместе и привести сюда, на Сверкающую Вершину. Тогда проклятие нашего предка будет снято со всех потомков безвинного Генульфы.

Донахтир на мгновение умолк. Шум за окном не прекращался, но разобрать, что происходит, было невозможно. Ольфан тоже все не возвращался, поэтому Великий Иглон заговорил снова:

– Верховный Правитель тем и отличается от всех остальных, что знает тайны, которые порой и знать бы не хотел. В Галерее Памяти мне было открыто такое, о чем я не могу вспоминать без содрогания, и что необходимо прекратить. Наш отец учил нас думать на несколько шагов вперед, и теперь я понимаю, как это сложно. Глядя вдаль легко споткнуться о маленький камешек, но если смотреть только под ноги, не заметишь, как расшибешься о более серьезное препятствие... Мне необходим был крепкий мир между нами и Нижними орелями, чтобы

проклятие Хеоморна, наконец, исполнилось, и исполнилось без помех! Пусть дети Дормата придут сюда, и я сниму с себя бремя власти, как тяжелую одежду с крыльев... Но, видимо злые слова, посланные нашим пращуром вослед невинно изгнанному, бросают тень и на нас. Поэтому Судьба позволила Лоренхольду найти тело брата, и моя ложь будет раскрыта.

– Но тебе не обязательно говорить, что ты все знал, – краснея и опуская глаза, тихо говорил Форфан. – Ни я, ни дядя тебя не выдадим.

– Нет.

Донахтир решительно покачал головой.

– Теперь не могу. Теперь это будет трусливой ложью ради себя самого. А я не позволил бы себе такого, даже будучи простым орелем, и, уж конечно, не стану этого делать сейчас. Я пока еще Великий Иглоу! Так что не упрекай меня, брат. Лучше поддержи снова. И рука об руку мы встретим надвигающуюся грозу тверже, чем та скала, о которой ты говорил.

Смущенный Форфан не успел ничего ответить. В покои Правителя вернулся Ольфан с новым, не самым радостным известием. Он сообщил, что Лоренхольд еще не прибыл, а шум внизу был вызван ссорой между двумя рофинами.

Получилось так, что один из них прилетел, чтобы занять наблюдательный пост на вулкане, а другой как раз собирался на отдых. Перекинувшись парой слов о последних новостях, оба обнаружили, что воспринимают происшедшее совершенно по-разному. Первый считал Нижних орелей убийцами, которых следовало наказать, а второй, напротив, винил во всем Лоренхольда, затеявшего ссору, толком ни в чем не разобравшись. Он считал поселян мирным и несчастным, из-за неумения летать, народом, не способным совершить убийство.

Оба начали отстаивать свои точки зрения и, чем дальше, тем яростнее. Стражи дворца, орели, пролетающие мимо и стоящие на площади в ожидании Лоренхольда, проявили к ссоре живейший интерес. Очень скоро разросшаяся толпа зевак раскололась на две враждебные части, каждая из которых считала верной только свою позицию и ни в какую не соглашалась с другой.

Появление Ольфана немного разрядило обстановку, и страсти поулеглись, но вид ругающихся орелей расстроил бывшего Иглоу чрезвычайно.

С тяжелым сердцем возвращался он к Правителям, между которыми тоже не все было ладно. Но перемена, произошедшая с братьями, сразу бросилась в глаза. Взгляд Донахтира обрел прежнюю прямоу и ясность, а смущенный Форфан, слушая рассказ дяди, несколько раз посмотрел на Великого Иглоу с прежней преданностью и любовью.

– Что ж, – вздохнул Донахтир, когда Ольфан закончил, – все это очень печально. Мы с Форфаном, как раз говорили о том, что Иглоу теперь, как никогда, необходимо сплотиться. Полагаю, нужно немедленно послать за братьями, а Лоренхольда с товарищами до их прибытия попросим погостить во дворце. Здесь они все подробно расскажут и ответят на вопросы, которые неизбежно возникнут. Надеюсь, ситуация не такая уж и страшная, и мы сумеем убедить молодых людей, что крайние меры нежелательны. Не глупцы же они, чтобы не понимать – сейчас важнее всего восстановить согласие между орелями. И, если нам удастся успокоить Лоренхольда, то, с его помощью, мы найдем способ успокоить и тех, кто требует расправы над поселянами.

Форфан согласно кивнул, а Главный Страж дворца низко поклонился племянникам.

– Рад, что между вами снова понимание, – сказал он с облегчением. – Я немедленно пошлю рофинов в остальные Города, а сам, пожалуй, полечу навстречу Лоренхольду. Как бы он не наболтал лишнего по дороге.

– Братьям ты тоже расскажешь про Старика? – спросил Форфан, когда дядя скрылся за дверью.

– Видимо придется, – вздохнул Великий Иглон. – Не хотел я прежде времени, но оно, кажется, уже пришло. Хотя, и не совсем так, как мне бы хотелось... Но, – прибавил он после минутного молчания, – больше никто о детях Дормата знать пока не должен.

На это Иглон Восточного города понимающе наклонил голову.

– Теперь ступай, Форфан. Тебе нужно подготовиться к встрече братьев, а мне подумать, какими словами успокоить Лоренхольда, чтобы он не считал себя обманутым.

Однако относительный покой в душе Донахтира, вызванный принятым решением, оказался недолгим. Надежды на тихую развязку возникшей проблемы рухнули под утро, когда до слуха, так и не заснувшего Правителя, донесся звук множества хлопающих крыльев, тут же сменившийся громкими криками. Поначалу Донахтир подумал, что прибыли его братья, и орели на площади их приветствуют. Он только удивился, что Иглоны взяли с собой такую многочисленную свиту, но вбежавший в покои побледневший Ольфан все разъяснил.

Крики вызвало появление Лоренхольда, но не живого, как ожидалось, а убитого поселянами. Его принесли орели, бывшие с ним, и целая делегация из Нижнего Города, где печальная процессия делала остановку.

Свет померк в глазах Великого Иглона!

Не помня себя, спустился он в Зал Совета, куда уже поспешил Форфан со свитой и все несшие службу во дворце.

Огромное круглое помещение быстро заполнилось. Недалеко от входа, отдельной группой стояли прилетевшие орели во главе с Тористином, а на выдвинутой в самый центр скамье лежало тело Лоренхольда.

Тяжело было Донахтиру слушать рассказ о происшедшем. Тяжело смотреть в мертвое лицо своего подданного и в горящие гневом лица остальных. Но еще тяжелее делалось ему при мысли о том, что сейчас он должен будет уговаривать их отказаться от мести! И, чем живописнее расписывал Тористин коварство поселян, тем сильнее крепла в Правителе уверенность в своей правоте. Незамутненное гневом сознание Великого Иглона легко усмотрело за всеми домыслами и преувеличениями истинную картину происшедшего. Случайность! Опять случайность! Но какая нелепая, какая ужасная и злая! Ах, зачем эти мальчишки были так любопытны в той, другой, такой спокойной жизни! Может быть, действительно не стоит нарушать правила, создававшиеся веками и веками же проверявшиеся на прочность?!...

– В смерти Тихтольна несомненно виноват тот, якобы исчезнувший мальчишка-поселянин, – говорил, между тем, Тористин. – Но Лоренхольд был уверен, и мы все с ним согласны, что парня просто где-то прячут. Убийцу же самого Лоренхольда мы видели собственными глазами и готовы указать, если он еще в поселении. А, если сбежал... Великий Иглон, только прикажи, и, куда бы он ни скрылся, мы достанем его, а заодно и того, другого!...

Остальные орели возбужденно загалдели, кивая головами. Их крылья взметнулись вверх, словно юноши готовы были немедленно лететь обратно, на поиски убийцы. Но Великий Иглон поднял руку, и шум мгновенно стих.

– Вам следует успокоиться, – бесстрастно сказал он. – Орелям не пристало под влиянием минуты совершать поступки, которые потом нельзя будет исправить, и воспоминание о которых будет жечь стыдом.

– Но, Правитель! – слегка опешил Тористин, – стыдом нас может жечь только то, что мы оставим безнаказанной смерть наших сородичей! Разве ты не собираешься покарать убийц?!

Вместо ответа Донахтир подошел к лежащему на скамье Лоренхольду, встал перед ним на колени и замер, накрывшись крыльями, как шатром.

Все бывшие в Зале Совета устыдились. Гнев, смятение и жажда мести заставили их забыть об Обряде Прощания, и сейчас, вслед за Правителем, орели, один за одним, стали опускаться на колени и шептать свои скорбные слова под покровом собственных крыльев.

Однако Донахтир не только прощался. Сквозь неплотно сомкнутые перья он смотрел в безжизненное лицо Лоренхольда и просил у него прощения. «Не мне судить тебя, – мысленно произносил Великий Иглон, – как не вправе я судить и Тихтольна. Вернулись бы вы живыми и невредимыми, я бы пожурил вас, как беспокоящийся отец и разъяснил бы, в чем вы были не правы. Но вы оба погибли, а, значит, бессмысленно теперь искать тот поворот на дороге вашей жизни, где вы свернули не туда. Выбор уже свершился и принес свои печальные плоды. И ты, Лоренхольд, и твой брат – вы сами распорядились своими жизнями. Мне же сейчас придется распорядиться жизнями других. Не думаю, что вам станет легче, если я приму решение, которое приблизит еще чей-то конец. Мне не видится злой умысел в том, что произошло с вами. Лишь случайность! Ужасная, но спровоцированная вами же! Поэтому, каким бы бессердечным ни сочли меня ваши товарищи, я не стану мстить, ни за твою смерть, Лоренхольд, ни за смерть твоего брата... Простите меня!...».

Великий Иглон решительно поднялся и бесшумно, но твердо ступая, прошел к возвышению, на котором стояло Кресло Правителя. Оттуда, не садясь, а лишь опершись о высокий подлокотник, смотрел он, как один за другим заканчивали Церемонию Прощания орели. Оттуда же, едва заметным кивком, позволил стражам дворца унести мертвое тело. И только когда Лоренхольда вынесли, а в Зале остались одни живые, Правитель позволил себе сесть.

Все молчали.

Тористин, слегка остуженный прощанием с товарищем, неловко переминался с ноги на ногу. Прилетевшие с ним орели тоже не знали, что сказать, и в повисшей тишине было слышно только, как Ольфан, ожидающий прилета Иглонов на внешней террасе, отдает приказания стражам.

Наконец Донахтир устало спросил:

– Чего вы требуете от меня?

– Мести, Правитель, – глухо произнес Тористин.

– Какой же мести ты хочешь?

– Великий Иглон сам это решит. Нам же позволь отыскать убийц и доставить их сюда.

Донахтир прикрыл глаза.

– Судя по всему, ты ждешь, что я воздам смертью за смерть, убийством за убийство? Но не содрогнешься ли ты, если следом за телом Лоренхольда, опущенным в вулкан, я велю сбросить туда же и того, кто его нечаянно убил?

– Нет, Правитель, не содрогнусь! – ответил Тористин, не задумавшись ни на минуту.

По Залу пробежал ропот, а глаза Великого Иглона снова широко распахнулись, и те, кто стоял ближе, заметили в них страх.

– И ты сам сможешь его туда толкнуть?! – спросил Донахтир слегка изменившимся голосом.

– Я теперь многое смогу, чего раньше не мог, – твердо сказал Тористин.

Казалось, что его гнев обрел второе дыхание. Решительно потрянув головой, словно сбрасывая оцепенение недавних печальных минут, Страж дворца Нижнего Города шагнул вперед, и кулаки его сжались.

– Ты не видел, Правитель, искаженных злобой лиц поселян, когда они бились с нами! Не слышал, с каким цинизмом говорил их старейшина о смерти нашего Тихтольна! Они чувствуют себя уверенно, оттого, что не сомневаются – Великий Иглон орелей со Сверкающей Вершины их сурово не накажет! Он добр, милосерден и ценит чужую жизнь! Мы сами внушали им это постоянно! Но наше благородство, как и все НАШЕ, злит их, вызывает зависть!... Я и сам всю жизнь гордился тем, как добр и миролюбив мой народ, но сейчас думаю, что наша доброта очень похожа на глупость!...

В Зале охнули, но не все, и чуткий слух Донахтира это сразу уловил.

– Как смел ты сказать такое Великому Иглому! – воскликнул Форфан.

– Смел! – Тористин распалился, забыв обо всем на свете. – Смел, потому что верю в его мудрость и не хочу, чтобы те ничтожества внизу насмеялись над нами и презирали нас за бездействие! Пусть лучше боятся! Все вы поняли меня, если бы были с нами там, возле пещеры, в которую затолкали Тихтольна! Если бы ты только видел его, Правитель, видел его лицо!...

– Я видел, – тихо сказал Донахтир.

– Что?!!!

Форфан испуганно вскинул глаза на брата, да и все в Зале изумленно повернулись к Правителю.

– Видел, – уже громче повторил Донахтир. – Старик-поселянин показал мне его в тот самый первый день. И мы вместе решили скрыть эту смерть, потому что она, несомненно, была случайной. Зато, открой мы правду, мирное существование орелей Верхних и Нижних могло не состояться. Да и здесь, у нас, наверняка бы начался раскол...

– Великий Игло, я не верю своим ушам!...

Потрясенный Тористин, не дослушав, отступил на несколько шагов и растерянно посмотрел на своих товарищей.

– Мы обмануты, – пробормотал он. – наших сородичей убивают, а наш Правитель не только не хочет отомстить, но еще и покрывает убийц!...

– Не смей так говорить! – снова закричал Форфан. – Правитель поступил мудро, и не тебе судить о его решениях!

Тористин посмотрел на Иглона Восточного Города безумными глазами и, вдруг, обхватив себя за голову и с силой сжав виски руками, закричал:

– Мудро?!!! А этой мудрости хватит, чтобы объяснить мне, как с этим жить дальше?! всю жизнь я преклонялся перед Иглонами, считая их благородство и честность непревзойденными! всю жизнь верил – они наша защита! Во что же мне верить теперь, а?!

Он раскинул руки и протянул их к тем, кто был в Зале.

– Вы можете мне сказать? Не можете? Ну, тогда я сам вам скажу! Отныне я верю только в себя! И сам себе велю лететь и покарать убийц! Вы же, друзья мои, которые видели и мертвого Тихтольна, и то, как умирал Лоренхольд, летите за мной! Здесь вам больше никто не поможет!

Он бросился к выходу, а следом те, кто прилетел с ним, и кое-кто из дворцовой стражи.

Но тут Донахтир, вскочив со своего трона, крикнул:

– Стойте!

И все остановились.

– Я запрещаю вам лететь куда-либо отсюда! – заметно волнуясь, но решительно объявил Великий Игло. – Ты, Тористин, не покинешь этот дворец до завтрашнего вечера. К тому времени мы соберем здесь, в Главнейшем городе, орелей всех Шести Городов, и перед ними я отвечу за все свои решения. Потом, если захочешь, можешь призывать к мести, но до того момента и ты, и твои товарищи будете находиться под стражей в этом дворце!

Он сделал знак своим саммам, и те, с рофинами из свиты Форфана, окружили бунтовщиков плотным кольцом.

– Что ж, мы подчинимся, – проговорил сквозь зубы Тористин, – но только до завтрашнего вечера. А потом меня уже ничто не удержит! Надеюсь, слову Великого Иглона еще можно верить, и он подарит нам обещанную свободу...

Донахтир на это ничего не ответил, и бунтовщиков увел.

* * *

Спустя час после описанных событий прилетели Иглоны остальных пяти Городов.

Последние новости их совершенно ошеломили, поэтому, позабыв про усталость, братья вместе с Донахтиром удалились в его покои, где провели, совещаясь, не один час.

Конечно же, по всем городам были разосланы гонцы с сообщением о немедленном Большом Сборе в Главнейшем Городе. Но еще до прибытия гостей площадь перед дворцом была заполнена местными жителями, живо обсуждающими все последние происшествия.

Шум стоял невообразимый! Все попытки Ольфана утихомирить бушующие страсти заканчивались ничем. И, рассылая рофинов то к одной, то к другой разгулявшейся группе спорящих, бывший Иглон все чаще и все тревожней поглядывал на окна покоев Правителя, гадая, о чем так долго говорят племянники.

Только к полудню, когда стали прибывать первые гости из других городов, Иглоны бледные и молчаливые покинули Донахтира. Однако на все расспросы дяди они отвечали односложно, словно погруженные в какие-то свои мысли. И единственное, что Ольфан смог для себя уяснить, так это то, что по мнению Правителей Шести Городов Великий Иглон во всем абсолютно прав.

Вести среди орелей разносятся быстро.

Очень скоро всем стало известно и о выходе Тористина, и о том, что Великий Иглон скрывал смерть Тихтольна, о которой узнал первым. Это еще больше накалило страсти и заставило орелей с еще большим нетерпением ожидать появления Правителей.

Сторонники Тористина вели себя гневно и решительно. Их противники, поначалу державшиеся спокойней, тоже постепенно распались, и рофины совершенно выбились из сил, умиряя начинающиеся то тут, то там потасовки.

Но были на площади и такие орели, которые молча стояли перед дворцом, словно окруженные невидимой стеной. Глядя на них, затихали даже самые непримиримые спорщики. Это были родственники тех, кто остался в Гнездовище и родители несчастных Тихтольна и Лоренхольда. Ничего не требуя и не примыкая ни к одной из сторон, они стояли неподвижно, глядя заплаканными глазами на окна дворца.

Донахтир видел их из своих покоев, и сердце его сжималось от жалости.

Что же сказать им? Какими словами убедить орелей в своей правоте?

«Только правдой, – решил Донахтир. – Расскажу им все! И про детей Дормата, и про Старика, и про предсказание...»

«Но сможешь ли ты рассказать им про тайный тоннель в Галерее Памяти?», – тут же спросил вкрадчивый внутренний голос.

«Нет, – ответил сам себе Донахтир, – про это я рассказать не смогу».

Вот в чем вся беда! Вот, что пугает и отнимает силы! Полуправда не сделает его слова убедительными, а правду он сказать не сможет...

Позади раздался шорох. Донахтир обернулся и кивнул на приветствие Ольфана.

– Пора, Правитель, – тихо позвал бывший Иглон. – Твой народ собрался и ждет тебя.

Донахтир тяжело вздохнул. Час пробил.

Он пошел к дверям, но у самого выхода приостановился и посмотрел Ольфану в глаза.

– Скажи, дядя, ты со мной?

– Конечно, Донахтир. Мог бы и не спрашивать.

– Что ж, по крайней мере, те, кого я люблю, не отвернулись от меня. Это вселяет надежду...

Он сделал еще один шаг к двери, и едва не был сбит с ног влетевшим Фартультихом – Иглоном Нижнего Города.

– Донахтир! – закричал тот, тяжело дыша. – Беда! Утром Тористину удалось уговорить стражей!... Они связали твоих саммов и улетели... За всеми хлопотами и разговорами никто этого не заметил..., да и где тут было – сплошные прилеты, перелеты!... А сейчас, когда за ними пошли... Одним словом, сейчас они на пути к поселению, а, может, уже и там, и страшно подумать, что могут натворить!... Я послал за ними отряд рофинов, но их слишком мало... Саммы говорят...

– Собрать погоню, живо! – оборвал его побледневший Донахтир и бросился к окну.

Вопреки всем правилам, по которым должен появляться перед своими подданными, Великий Иглон, словно мальчишка, перемахнул через широкий оконный проем и, распахнув крылья, опустился перед онемевшей площадью.

– Орели! – крикнул он, даже не пытаясь скрыть отчаяние в голосе. – Весь день я готовился к разговору с вами, но Судьба распорядилась иначе! Сегодня вы не услышите от меня никаких объяснений. Страшная беда нависла над нами, и если остались среди вас те, кто верит мне по-прежнему, я призываю их лететь со мной! Никого не хочу обманывать – я намерен спасти поселение Нижних орелей от гнева Тористина и тех, кого он сманил за собой, потому что никогда мы не оскверняли себя насилием и разбоем. И, пока я правлю вами, пока я Великий Иглон...

Он запнулся, осмотрел молчаливую площадь и закончил, уже тише:

– Не допущу этого, даже если придется лететь одному.

После этих слов Донахтир взмыл в воздух и, не оглядываясь, полетел.

На ступенях дворца уже стояли его братья, Ольфан и освободившиеся саммы. Все они распахнули крылья в полной готовности следовать за своим Правителем, и Донахтир благодарно им улыбнулся. Но, пролетая мимо, крикнул Ольфану:

– Дядя, ты останься! Должен же кто-то...

Он не смог договорить. Шум сотен хлопающих крыльев заглушил голос Великого Иглона и, обернувшись, Донахтир увидел, что за его спиной в воздух поднялись почти все его подданные. На площади остались только орелины и дети, все же взрослые орели спешили ему на помощь.

– Спасибо, – прошептал Великий Иглон и помчался в сторону Гнездовища.

* * *

Как ни спешили Тористин и его спутники, а все же пришлось сделать крюк, чтобы облететь Нижний Город стороной.

Сначала, правда, собирались поступить по-другому и лететь через город не таясь, чтобы собрать побольше своих сторонников. Но потом кто-то сообразил, что раз объявлен Большой Сбор в Главнейшем Городе, то Нижний они, скорей всего, застанут полупустым. Зато по дороге могут встретить почти всех его жителей, что нежелательно.

– Почему нежелательно? – удивился Тористин. – Уверен, половина из них захочет лететь с нами!

– Зато другая половина не захочет и сразу же сообщит о нас Великому Иглому, – заметил тот, кто предлагал облететь Нижний Город стороной, – А уж он медлить не станет. Вышлет в погоню всех, кого только сможет!

– Ну и что? Он и так это сделает. Рано или поздно о нашем побеге ему сообщат...

– Да. Но лучше пусть это будет позже, когда мы долетим до места, а не теперь, когда нас еще можно вернуть.

Тористин задумался, закусил губу и вскоре помахал всем, чтобы сворачивали с прямого пути и летели кружным.

Гнев и разочарование в Великом Иглоне клокотали в его душе посильней чем лава в самом непримиримом вулкане. Хорошо, что орелям было в новинку содержать кого-то под стражей, и Тористину не запретили говорить с теми, кто их охранял. Воспользовавшись тем, что саммы отвлеклись и не слишком веря Правителю, обещавшему их отпустить, он порассказал стражам такие вещи про поселян, что те недолго думали чью сторону принять. Особенно впечатлило то, как был убит Лоренхольд. Рассказывая об этом Донахтиру Тористин не слишком сгущал краски, считая, что и самого факта убийства достаточно, чтобы вызвать справед-

ливый гнев Иглона. Но сейчас, для стражников, он расстарался. Рассказ о злодеянии оброс такими душераздирающими подробностями, что у слушателей волосы на голове встали дыбом!

Теперь они летели вместе с бунтовщиками, и Тористин внимательно следил за тем, чтобы решимость в их глазах не угасала. То и дело подлетая к одному или к другому орелю он напоминал, что честь и достоинство Сверкающей Вершины сейчас в их руках, что неповиновение Великому Иглоу им в вину не поставят, потому что Правитель запятнал себя ложью и бездействием, а этого ни один орель не поймет. Что, покарав презренных убийц они тем самым восстановят справедливость, и за эти страницы в Летописи Галереи Памяти их потомкам краснеть не придется.

– Ваши имена еще впишут туда, как имена героев! – кричал Тористин.

Ему отвечали дружным одобрением и неслись вперед, не чувствуя усталости.

До Гнездовища мстители добрались довольно быстро.

Едва внизу показались круглые крыши поселения, силы у Тористина словно удвоились. Громким голосом велел он отставшим подтянуться, чтобы спикировать на противника дружным строем.

Для спуска зашли со стороны Обрыва, исключая тем самым малейшую возможность для какого-нибудь отчаянного поселянина сбежать и спрятаться к камням Обвала. И сразу же рассыпались на всю ширину улицы, захватывая широким полукольцом не только её, но и задние дворы гнездовин.

– Гоните всех к чаше на скале! – командовал Тористин. – Там заставим их выдать убийц и решим, что делать дальше.

Несколько орелей кинулись внутрь крайних гнездовин, но вскоре вышли оттуда с изумленными лицами. Да и остальные, пройдя почти треть улицы, с удивлением переглядывались со своими товарищами, выходящими с задних дворов.

Гнездовище было пусто.

– Здесь никого нет, Тористин! – крикнул кто-то.

– Не может быть! – заскрежетал зубами тот. – Они просто прячутся! Ищите!

Он подбежал к ближайшей гнездовине и ногой вышиб дверь. Внутри никого не оказалось. Никого не было ни в другой, ни в третьей...

Рыча от бешенства метался Тористин от одного забора к другому, как вдруг остановился и замер, как вкопанный.

В конце улицы он увидел Старика!

Старик сидел на скамье перед своей гнездовиной и наблюдал за ними без страха, даже с некоторым любопытством. В его глазах Тористину почудилась насмешка, но, подавив в себе ярость, орель медленно, почти крадучись, двинулся к Старiku, цедя сквозь зубы:

– Значит, все где-то спрятались, а ты остался! Интересно, зачем? Охраняешь их убежище, или они оставили тебя отдуваться за всех? Может, это ты и убил Тихтольна? Тогда – здравствуй, мы именно к тебе. Но нам нужен и другой, убивший нашего товарища. Где он? Тоже где-то сидит и ждет?

– Все ушли, – спокойно сказал Старик. – Здесь вы больше никого не найдете.

– Ха-ха-ха, – фальшиво рассмеялся Тористин. – Не считай нас дураками, Старик! Куда уйти бескрылым? В скалы им не подняться, с Обвала не спуститься! Кроме тебя отсюда никто не мог бы уйти... Нет, все они где-то здесь, и мы найдем их, даже если придется разметать по камням все ваше проклятое поселение!

– Все ушли, – повторил Старик.

– Что ж, как хочешь. Но на слово мы не поверим.

Тористин повернулся к своим.

– Давайте, ребята, крушите здесь все! Сравняйте с землей каждую гнездовину, а потом посмотрим, из какой щели все они ползут!

Он первым подбежал к ближайшей ограде и сильным ударом ноги сшиб невысоко стоящее каменное украшение ворот. А потом, с его помощью, принялся долбить стену гнездовины. Остальные последовали примеру своего вожака.

То, что легко билось и ломалось было уничтожено в первую очередь. Каменные же стены поддавались с трудом, но и они вскоре затрещали, уступая ярости нападающих. Пыль, грохот, злобные выкрики – все слилось в один ужасающий шум погрома.

Лицо Старика болезненно сморщилось. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть происходящего, но с места не сдвинулся.

Развалив первую гнездовину Тористин, тяжело дыша, пнул ногой последний кусок уцелевшей кладки и повернулся.

– А-а-а, – зашипел он, рассмотрев сквозь поднятую пыль спокойно сидящего Старика. – Ты не волнуешься! Ты смотришь, как мы рушим ваши жилища и даже с места не встал! Эй, стойте! – закричал он орелям. – Не тратьте силы попусту! Похоже, все действительно куда-то ушли, иначе, он попытался бы нас остановить! Что ж, и это недолго проверить! Нам, Летающим, не составит труда слетать и ниже! Ради правого дела мы можем и поступиться своими принципами, не так ли?

– Так, так! – закричали распаленные разбоем орели.

Но не успели они расправить крылья, как Старик, с неожиданным проворством, вскочил со скамьи и взмыл в воздух.

– Ты знаешь, что это такое, – заметно волнуясь сказал он Тористину и протянул вперед руку.

Клинок, убивший Лоренхольда, угрожающе блеснул, и орель непроизвольно отступил на шаг.

– Клянусь всей своей жизнью, – продолжал Старик, – что любого, кто осмелится взлететь, я верну на землю этим! Мне терять нечего, я и так уже все потерял, а потому клятву свою наверняка исполню!

– Он не шутит, – зашептали орели, столпившись вокруг Тористина. – Эта штука страшная... Да и Старик этот какой-то жутковатый... Что же нам теперь делать?

Но Тористин не отвечал. Несколько мгновений он злыми глазами смотрел на клинок в руке Старика, а потом, вдруг, усмехнулся.

– Не знаете, что делать? Глупцы! А вот я не могу решить, как нам лучше от него избавиться!... Ты стар и долго в воздухе не продержишься! – крикнул он вверх. – Можно было бы подождать, когда твои крылья совсем обессилят и спокойно лететь искать остальных. Но время дорого, потому ничего другого не остается, кроме как...

Он быстро нагнулся, подхватил с земли увесистый камень и с силой метнул его в Старика. Тот успел увернуться, но страх, плеснувший в глаза заметили все.

– Видели! – Тористин, торжествуя повернулся к товарищам. – От одного камня он смог увернуться, но сможет ли он так же ловко увернуться от всех наших камней?! Думаю, нет! Так что давайте, не тяните время, хватайте обломки, благо их тут теперь много, и бросайте в него! Только цельтесь лучше – нам долго возиться не к чему! С детьми и скарбом поселяне далеко уйти не могли, может, еще успеем их догнать!...

Кое-кто бросился поднимать камни, но некоторые в замешательстве топтались на месте.

– Так нельзя, Тористин, – неуверенно сказал один из них. – Мы не должны поступать... подло...

– Подло! – взревел Тористин. – А убивать наших сородичей не подло?! А угрожать нам новыми смертями?!...

Он резко нагнулся, подхватил другой камень, но бросить его не смог. Тень, стремительно слетевшая откуда-то сверху, отбросила ореля в сторону, и камень выпал из его руки.

– Не смей двигаться! – приказал сердитый голос.

Все, бывшие в поселении, включая и Старика, подняли головы и увидели, что с вершины скалы слетает отряд рофинов, посланный Фартультихом за беглецами. Их предводитель, сбивший Тористина с ног, уже стоял среди бунтовщиков, обводя всех суровым взглядом.

– Предатели! – взвыл Тористин, бросаясь на него. – Не смейте нам мешать! Мы здесь исправляем ошибки вашего бессильного Правителя!

Но сильная пощечина снова отбросила его назад.

– Не смей порочить имя Великого Иглона! – прикрикнул предводитель рофинов. – Вы все должны немедленно вернуться обратно и ответить за свои дела! А тебя, Тористин, велено доставить связанным!...

– Ах, вот как! – задохнулся тот гневом. – Значит, проклятые бескрылые убийцы останутся безнаказанными, а мы будем отвечать за свои дела?! Ну уж нет! Я вам так просто не дамся!...

Он снова бросился на рофина, только теперь более удачно и, повалив его на землю, принялся осыпать ударами, крича:

– Я не позволю, чтобы на Сверкающей Вершине забыли, что такое честь орелей! Я сам вернусь туда, но как победитель! И встречать меня будут, как победителя!!!

Рофины кинулись на помощь своему предводителю, но прилетевшие с Тористином орели загородили им дорогу и, вдохновленные его примером, перешли в наступление.

Завязалась драка!

Рофины явно уступали, и по численности, и по боевому запалу. Они летели сюда не сражаться, тогда как бунтовщики, еще не остывшие после погрома, дрались не на шутку. Сдаваться они не собирались.

Забытый всеми Старик некоторое время с грустью наблюдал за побоищем, а потом спустился и, печально сложив крылья, пошел в свою гнездовину – единственную уцелевшую на этом участке улицы. Ненужный клинок он бросил возле полуразрушенной ограды.

И тут из толпы дерущихся вынырнул Тористин. Его лицо, перекошенное яростью, было ужасно! Прочнейшая одежда в некоторых местах надорвалась, а кончик одного из крыльев, кажется, был сломан.

– Нет, Старик, ты не уйдешь! – прохрипел орель, сплевывая набившуюся в рот пыль. – Уж с тобой-то я поквиताюсь!

Приволакивая ушибленную в драке ногу, он подобрался к клинку и крепко ухватил его за рукоять.

Старик молча обернулся. Он стоял на дорожке, ведущей к гнездовине, не пытаясь убежать и не отводя взгляда от глаз противника.

На мгновение Тористин смутился. Но только на мгновение. В следующую секунду рука его поднялась, клинок, сверкнув, описал широкую дугу и...

– Остановитесь!

Зычный голос прогремел над Гнездовищем, заставив дерущихся орелей замереть и расцепиться.

Сверкая парадными одеждами, в которых собирался появиться перед Большим Сбором, Донахтир плавно слетел к подножию скалы и замер, пораженный открывшимся зрелищем. А над его головой, затмив собой пол неба, кружили с гневными лицами бесчисленные орели всех Шести Городов.

– Что же ты наделал, Тористин! – прошептал Великий Иглон, подходя ближе и обводя расстроенным взглядом руины гнездовин, сломанные деревья, ограды и своих подданных, истрепанных в драке.

Тяжело дыша они переминались с ноги на ногу, бросая друг на друга ненавидящие взгляды, но не решаясь поднять глаза на Правителя.

– Что тут произошло? Где все жители?

– Все ушли, Донахтир, – отозвался со своего места Старик.

– Ушли?...

Донахтир рассеянно повернулся к Старику.

– Значит, с ними ничего не случилось? Хорошо. Я опасался, что произойдет самое худшее...

Он устало провел рукой по лбу, покрывшемуся испариной, но тут Тористин, все еще сжимающий в руке клинок, издал ужасающий вопль и, запрокинув голову, прокричал кружащим наверху орелям:

– Вы слышали это, жители Сверкающей Вершины?! Слышали, что самое страшное для вашего Правителя?! Не смерть сородичей! Нет, зачем! Вас ведь так много! Одним, двумя меньше – какая разница! Страшно, если Тористин и его товарищи накажут ничтожных бескрылых за убийство! За убийство ваших же родных! Страшно, если пострадает это проклятое поселение, которое я ненавижу, ненавижу, ненавижу!!!...

В исступлении Тористин взмахивал рукой в такт своим словам, совершенно забыв, что клинок в ней все еще зажат, и остановился только тогда, когда заметил, что Великий Иглонос оседает перед ним на землю. Рука Правителя, которой он едва успел прикрыться, была иссечена в нескольких местах до кости, а парадные одежды забрызганы кровью.

Тористин от ужаса онемел.

Бешенный звон, начавшийся в его голове после слов Великого Иглоноса, сменился оглушительной тишиной. Поэтому он скорее почувствовал, чем услышал, как сверху на него обрушивается лавина орелей.

Кто-то вырвал клинок, кто-то ударил, кто-то отшвырнул в сторону...

Тористин не помнил, сколько прошло времени, сколько рук его пнуло, сколько гневных слов было ему послано. Просто, в какой-то момент, он обнаружил себя сидящим под оградой Стариковой гнездовины, сжавшимся в комок и безудержно плачущим.

Как же это могло произойти?! Неужели он сам стал убийцей?!

Тщетно всматривался Тористин в крылатые спины своих сородичей, клубящихся вокруг Донахтира, пытаясь уловить хоть намек на состояние Великого Иглоноса – жив он, или нет! Но еще больше ему хотелось, чтобы кто-нибудь обернулся и убил бы его тоже! Пусть даже не сам! Пусть, не марая рук, оттащил бы его к Обрыву и сбросил вниз! Уж Тористин не стал бы расправлять крылья, чтобы спастись. Жизнь была для него теперь горшим наказанием!

Но и эти мечты оказались напрасными. О Тористине все забыли.

Еще недавно переполненный гневом и сознанием собственной правоты, теперь он ощущал себя раздавленным и жалким. Горячие слезы раскаяния жгли ему щеки, и Тористин зажмурился, чтобы хоть немного перекрыть их бессмысленный поток – сделанного все равно уже не исправить. Открыл он их только когда услышал, как вновь захлопали крылья его сородичей. Что-то неуловимо изменилось, и все они стремительно покидали Гнездовище. В первую минуту Тористин подумал, что это уносят Великого Иглоноса. Но нет, Донахтир по-прежнему лежал на опустевшей улице, только теперь его переложили на листья, собранные с кровель разрушенных гнездовин. Вокруг Правителя хлопотало с десятков ольтов, да Иглоносы Восточного и Нижнего Городов собственными руками мастерили неподалеку сеть для переноски. Ветки им подносили из гнездовины Старика снующие туда-сюда орели. Кроме них и Тористина в поселении никого больше не осталось.

С трудом пересилив дрожь и какую-то трусливую слабость Тористин поднялся и медленно подошел к Великому Иглоносу.

О счастье! Глаза Правителя были открыты, а сам он дышал, хотя и с трудом, но зато не было на его лице той кошмарной бледности, которой покрылось лицо Лоренхольда тогда, когда его...

– Отойди!

Фартультих – Иглон Нижнего Города подскочил навстречу Тористину и сурово сдвинул брови. Но Донахтир слабым движением здоровой руки остановил брата.

– Не надо, – прошептал он, – посмотри на его лицо... Он и так уже наказан...

– Наказан, наказан!... Будь он на твоём месте, брат, он бы велел отомстить! – сердито проворчал Фартультих, отворачиваясь и возвращаясь к своему занятию.

Тористин упал на колени

– Прости меня, Великий Иглон! – глухо промолвил он. – Прости и назначь любое наказание. Я все приму безропотно.

– Назначу, – еле слышно донеслось в ответ.

Донахтир прикрыл глаза и тяжело глотнул воздух. Видимо ольты, не привыкшие врачевать подобные раны, причинили ему боль.

– Останешься здесь, Тористин, – переводя дух, с запинкой прошептал Правитель. – Когда ТАМ все уляжется... сюда пришлют тех, кто был с тобой... Вы восстановите все.., все, что разрушили...

Тористин послушно кивнул и замер с опущенной головой, ожидая, что Великий Иглон еще что-нибудь скажет, но Правитель безмолвствовал.

– Что с ним? – переполошился Тористин, увидев, как забежали ольты.

– Обморок, обморок, – прикрикнул на него один из них, оттесняя в сторону. – Отойди отсюда, не мешай! Все, что мог, ты уже сделал!

Тористин отступил и чуть не столкнулся со Стариком, спешившим из своей гнездовины с каким-то сосудом. Ольты подхватили этот сосуд и снова захлопотали над Правителем, а Иглоны – о чудо! – при виде Старика подскочили и низко поклонились!

Старик на их поклоны лишь сердито отмахнулся, а ольтам пробормотал, чтобы скорее уносили Донахтира домой.

– Здесь ему от одного беспокойства станет хуже.

Потом взглянул на Тористина и почти приказал:

– Шел бы лучше помогал своим Правителям, чем под ногами путаться.

И снова поспешил в гнездовину.

Озадаченный всем увиденным Тористин покорно пошел к Фартультиху с Форфаном. Те молча бросили ему пару веревок, которые орель тут же принялся усердно подвязывать к сети. Потом, когда все было готово, он помог переложить на неё Донахтира, так и не пришедшего в себя, а потом еще долго смотрел вослед улетевшим. И только, когда превратившись в крохотные точки, орели скрылись в бесконечной выси, Тористин опустил на пыльную улицу и снова заплакал.

– Не плачь.

Бесшумно подошедший Старик с кряхтением присел рядом.

– Не плачь, слышишь! Что сделано, то сделано. Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, что такое случайность? Но хочу тебе сказать, что на пустом месте она не вырастает. И, самое главное, ни правых, ни виноватых тут не найдешь. Иной раз думаешь – за что? Я же невинная жертва! Жил себе жил, дурного не замышлял, а со мной такое приключилось! А потом начинаешь рассматривать повнимательнее весь путь, что привел тебя к беде, и видишь – нет, не случайность это! Сам себе все приготовил, сам свои же ошибки и расхлебываешь. И так горько делается, так обидно!... А уж если понимаешь, что рвался к беде с упрямством, никого не слушающая и все круша на пути, то тут уж и вообще жить не хочется...

– Правда, Старик, правда, – закивал Тористин. – Я кругом виноват!... Честь, достоинство... В голове все словно наизнанку вывернулось... Забыл в чем их истинный смысл. Но ты.., ты прости меня за то, что я тут... тогда...

– Ладно, не казись. – Старик тяжело вздохнул. – Я ведь тоже ошибок немало наделал. То медлил, то слишком торопился... Эх, знать бы, что все так обернется! Но, теперь уж ничего

не поделаешь. Нам с тобой, молодой человек, слетать бы, вернуть всех наших. Может и прав ты был – не успели они еще далеко уйти.

– Конечно!

Тористин подскочил на ноги.

– Конечно летим! Мне... я.., короче, дай мне что-нибудь сделать, иначе с ума сойду! Столько всего навалилось! словно пол жизни прошло! Хорошо хоть что Правитель жив, не то одна мне дорога – со скалы, вниз головой и крыльев не раскрывать!

– Это ты всегда успеешь.

Старик тоже поднялся.

– А у меня вот что-то крылья сами собой не раскрываются. Устал я. Все силы ушли.

Он невесело усмехнулся.

– Вот теперь бы ты меня легко сбил...

Тористин залился краской и опустил голову.

– Ладно, ладно! – Старик без улыбки потрепал его по плечу. – Больше не стану тебе пенять. Прав Донахтир – ты и так уже наказан. Никто не упрекнет тебя сильнее и справедливее, чем ты сам, искренне раскаявшись. А уж мне и подавно не пристало тебя казнить. Вдруг завтра окажется, что я виноватее тебя.

– Ты?!

Тористин поднял на Старика изумленные глаза, но потом горестно покачал головой.

– Нет, виновнее меня быть невозможно. Никогда еще орель не поднимал руку на своего сородича. А я поднял. Меня бы нужно было изгнать, как Генульфа...

Он осекся и опасливо взглянул на Старика. Но тот задумчиво смотрел куда-то сквозь него и, кажется, не слышал обидного намека на своего предка.

– Кто ты, Старик? – неожиданно спросил Тористин, подчиняясь какому-то странному, пугающему его самому порыву. – Кто ты на самом деле? Ведь ясно, что не простой поселянин. Я же видел, как наши Иглоны тебе кланялись. Так они кланяются только Верховному Правителю. А тебе почему?

Старик, не меняя задумчивого взгляда, досадливо повел плечом.

– Торопятся ваши Иглоны, вот что. Неизвестно еще, как это все сложится, а они уже головы склоняют...

Тут он словно очнулся и сердито посмотрел на Тористина.

– А тебе, прежде времени, вообще знать ничего не нужно! Не о том теперь надо переживать, а о том, чтобы ТАМ все обошлось!

– ТАМ? – удивился Тористин. – Где ТАМ?

Старик недоуменно уставился на него, но потом видно сообразил, что в своем тогдашнем состоянии Тористин мог ничего и не услышать, и коротко объяснил:

– В Верхнем Городе взорвался Главный вулкан.

Часть вторая

Нафин приходил в себя мучительно и тяжело.

Безразличное небытие, в которое он поначалу провалился, быстро заполнилось, вдруг, каким-то ослепительным сиянием. В нем едва слышимые голоса полу шептали, полу пели о жизни и смерти, уравнивая их между собой, и баюкали, успокаивали Нафина, зовя его раствориться вместе с ними в этом сиянии.

А потом, вдруг, рывок, холод, спазмы... Волшебный свет заметался, задержался и, вместе со вскрикнувшими голосами, собрался мгновенно в одну ослепительную точку и исчез.

Холодный, неуютный мрак, наступивший после, принес боль и тоже неожиданно о чем-то заговорил, но голоса эти были грубее и разговаривали непонятно. Да и сам Нафин, вместо блаженного покоя, ощущал себя так, словно торопливо взлетает куда-то. Еще и еще, выше и выше, к этим грубым голосам, чтобы разобрать, наконец, о чем они говорят...

– Ну, все, кажется, очнулся!...

Ворчливый голос Табхаира пробился сквозь мрак, в котором тут же заплескали разноцветные искры. Они сложились в спираль и закружились так быстро, что Нафина замутило и немедленно вырвало соленой водой.

– Очень хорошо, – разобрал он после того, как содрогнувшись несколько раз, его желудок выбросил из себя все лишнее. – А то моя вера в его счастливую Судьбу едва не померкла.

Нафин застонал и приоткрыл глаза. Сквозь слипшиеся мокрые волосы он увидел участливые глаза Одинг, заглядывавшего ему в лицо.

– Где я? – еле слышно спросил Нафин.

– Уже в безопасности!

Одинг поправил что-то мягкое у юноши в изголовье, осторожно положил его, совсем завалившегося на бок, поудобнее и заботливо убрал со лба мокрые пряди.

– Хорошо, что Табхаир полетел за тобой почти сразу же, – радостно затараторил он. – Но, все равно, пока спустился, пока вытащил тебя из этой воронки!... А я, знаешь ли, как почувствовал!... Вижу вас долго нет и сам полетел. И хорошо! Табхаир тебя еле тащил! Крылья его намокли, а до нас было не докричаться – гроза, ветер, волны шумят... Но теперь, хвала Высшим асам, все хорошо!...

Нафин с трудом перевел взгляд и увидел Табхаира. Тот стоял возле Одинг, сердито глядя на Нафина, и держал в оттопыренной руке Пояс Силы, с краев которого крупными каплями стекала вода.

– Сейчас, конечно, не время, – сказал он, проследив взгляд юноши, – но вот за это..., – и потряс Поясом, – за это тебя следовало бы хорошенько вздуть! Ведь говорили же, что нельзя это надевать!

– Ну, ладно тебе, Табхаир, перестань, – поморщился Одинг, и по его тону стало ясно, что по этому поводу братья уже препирались. – Видишь же, все в порядке. Нафин жив и приходит в себя...

– Жив-то он жив, – перебил Табхаир. – но вот в себя ли приходит! Посмотри, глаза какие безумные! Да и молчит все время...

– А ты чего хотел?! – вспылil Одинг. – Чтобы бедный мальчик после такого удара, да еще едва очнувшись, болтал бы без умолку! Сам-то когда прилетел тоже был не из болтливых!... Ничего, – бывший конунг сменил тон и ласково погладил Нафина по плечу, – вот отлежится, отоспится, сил поднакопит и будет, как новенький... У тебя ничего не болит, Нафинушка? – спросил он обеспокоено.

– Нет, – прошелестел Нафин.

– Ну, вот и славно! Вот и хорошо! – обрадовался Одинг. – Мы тут втроем твой ушиб подлечили, так что лучше поспи – во сне все болячки заживают скорее.

Он снова принялся что-то поправлять в изголовье, а Нафин, с облегчением, закрыл глаза. И, уже проваливаясь в сон, вдруг отчетливо все вспомнил. Корабль, шторм, крушение, Пояс Силы... Вспомнил, как вытащил из воды потерявшего сознание Углета и тонущего Хаму, как донес их до скалы и поспешил обратно, чтобы поискать еще выживших, но тут его что-то ударило...

Это «что-то» во сне превратилось в обломок огромной скалы. Только теперь Нафину удалось увернуться, и обломок, грохоча, полетел в пропасть, а на его месте образовалась глубокая пещера, из глубины которой смотрело хохочущее существо с оскаленной пастью. Оно протянуло к Нафину длинные хищные руки, но схватило не его, а Табхаира, Одингга и Углета и затащило их внутрь. Почти тут же возле пещеры появилась Метафта. Грустная, как никогда, она смотрела на сына и, кажется, плакала. Нафину хотелось кинуться к ней, предупредить, защитить, но дорога под его ногами стала рушиться и рушилась до тех пор, пока юноше некуда стало отступать, а пещера с Метафтой, стоявшей у входа не исчезла из вида. Тогда он взлетел, ощущая страшную усталость, и проснулся.

Солнце уже поднялось над слегка притихшим морем. Хмурясь, оно словно подгоняло клочковатые тучки – последние из свиты, убравшейся наконец грозовой ночи, освобождая себе место на начавшем наливаться приветливой голубизной небосклоне.

Нафин, не двигаясь, смотрел ввысь и думал, что и в нем самом происходит нечто подобное. Боль и прочие неприятные ощущения почти не напоминали о себе, только желудок продолжал возмущенно урчать. Однако, разобравшись в ощущениях повнимательнее, Нафин с изумлением сообразил, что это от голода! Ну, надо же, кто бы мог подумать! Еще недавно, содрогаясь всем телом и изрыгая из себя воду, он считал, что никогда уже не сможет ничего съесть, а теперь готов съесть что угодно!...

Недавно... А, кстати, сколько же он проспал? И где все остальные?

Нафин приподнялся на локте, потом сел и, только когда убедился, что голова больше не кружится, и все его тело тоже в полном порядке, встал на ноги.

Оказалось, что он лежал на узкой площадке, обрамленной с двух сторон высокими стенами утеса, о который разбился корабль. Со стороны моря площадка эта была достаточно широкой, но в противоположной стороне сильно сужалась, протискиваясь между сдвинувшимися скалами так тесно, что в первую минуту Нафину почудилось, будто он находится в каком-то гроте без верхнего свода, и находится он тут совершенно один!

К счастью, не успев даже толком испугаться, юноша услышал отдаленные голоса и, идя на них, быстро отыскал проход. С большим трудом, растопырив крылья, он протиснулся в узкую щель и там замер пораженный! Перед ним расстиралось просторное огромное плато с зеленой травой и деревьями. С востока оно резко обрывалось к морю, но южный и западный края терялись в невысоком, зато, кажется, густом лесочке, образованном этими деревьями.

Под одним из них Нафин и увидел своих старцев, хлопотавших вокруг каких-то узлов, тюков и бочонков, а чуть поодаль, к стволу другого дерева, испуганно жались двое людей.

– А вот и Нафин проснулся! – воскликнул Одинг, увидев юношу. – Иди к нам, чего ты там стоишь? Или тебе тяжело? Голова кружится?

– Нет, – Нафин подошел ближе. – А, что это такое вы делаете?

Он осмотрел разложенные на траве короба, сосуды, мокрые вещи и вопросительно взглянул на старцев.

– Это то, что удалось выловить, – вздохнул Одинг. – К сожалению, многое испорчено, но есть кое-что ценное, что уцелело. Вот огниво, например. Его только подсушить осталось... Или те сосуды с элем и пресной водой. Они хранились в ящике и, каким-то чудом, прямо с ним, попали на отломившуюся часть палубы, на которой плавали, как на плоту, пока не застряли

между камнями. Потому их и не затянуло в ту страшную воронку. Да и наши вещи, по счастью, отшвырнуло достаточно далеко – мы их еле нашли... Зато вот этот сундук сам долетел до берега, за что ему большое спасибо – там нашлось немного сухих вещей.

Одинг засмеялся, и Углет, сидевший возле этого самого сундука, видимо догадавшись о чем говорит брат, тоже улыбнулся и закивал головой, то ли приветствуя Нафина, то ли подтверждая слова Одинга.

– А они почему там сидят? – Нафин покосился на людей.

Одинг в сердцах махнул рукой.

– Пусть сидят! Увидели наши крылья, испугались и боятся до сих пор! Уж мы к ним и так, и эдак, но они только головами трясут и мычат. Даже еду брать отказываются.

– Еду? – оживился Нафин. – А у нас что, есть еда?

– Есть, отчего ж не быть. – Одинг самодовольно улыбнулся. – Мы тут на славу потрудились, вытаскивая из воды все, что можно было спасти. Вот, подожди, я тебя сейчас угощу. Но много не дам. Во-первых, тебе много сразу и нельзя, а во-вторых, неизвестно сколько времени мы будем добираться до ближайшего поселения, так что еду придется экономить.

Он порылся в отдельно стоящем коробе и протянул Нафину приличный ломоть хлеба, яблоко, сосуд с водой и немного рассыпчатого сыра, завернутого в зеленый лист.

– А где Хама? – спросил Нафин, жадно набрасываясь на еду и отгрызая огромные куски то от хлеба, то от яблока. – Я же, кажется, доставал его из воды.

– Он сначала нам тут помогал, а незадолго до твоего появления пошел разведать, что там дальше, – ответил Одинг. – Неизвестно, что это за берег такой, и кто в этих местах управляет, а кавестиор, судя по всему, пройдоха знатный и осторожный. Если есть что-нибудь в округе – все разнюхает. Вот Табхаир его и отправил.

Нафин с сожалением отправил в рот последние крошки сыра и только тут сообразил, что старец до сих пор не сказал ему ни слова. Более того, держался в отдалении, поглядывая искоса, с опаской. «Что это с ним? – удивился юноша. – Бойтся он меня, что ли?». Но тут же догадался: «Ах, да! Пояс Силы! Я же надевал его, и Табхаир теперь опасается, что со мной что-то не так!».

Нафин прислушался к себе, однако, ничего особенного не ощутил. Все было, как обычно, только чувствовал он себя бодрее, чем ожидал. Но, разве это плохо? Скорее, он бы сказал, что перемены произошли с самим Табхаиром. Никогда еще не видел Нафин, чтобы бывший бог выглядел так жалко. Как будто какие-то гигантские руки выкручивали старца, отжимая из него воду, да так и оставили – совершенно измятого.

Впрочем, одежды Одинга и Углета выглядели не лучше, и юноша быстро сообразил, что они, видимо, снимали и сушили свое платье, которое, подпортившись от морской воды и неумелой просушки, стало походить на лохмотья.

Сам же Нафин, к удивлению, был одет во все сухое, но незнакомое. Скорее всего, это и было то немногое, что нашлось в сундуке. Старцы заботливо переодели юношу, а сами, наверняка, дрожали от холода, дожидаясь пока высохнут их одежды... Нафин был несказанно тронут... Но, если они успели высохнуть, да еще навываливать столько всяких вещей, то сколько же времени прошло?! Корабль разбился ночью, перед самым рассветом. Сейчас утро...

– Сколько же я спал? – спросил Нафин, обращаясь к Табхаиру.

– Больше суток, – коротко бросил тот.

– Да, Нафин, спал ты долго, – подтвердил Одинг. – Мы вчера весь день бегали по очереди, смотрели – не умер ли. Всё опасались, что простынешь. Хоть и переодели в сухое, но там все же камни, ветер... Пробовали разбудить, чтобы сюда перебрался, но, куда там!... Ты вообще ни на что не реагировал. А проход, сам видел, такой узкий, что мы бы тебя сквозь него не протаскивали. Потому и оставили там, где лежал, а сами сюда перебрались – подсушиться и погреться.

Здесь сырость не так ощущается. И твою одежду просушили тоже. Вон она – на камнях у прохода. Хочешь, можешь переодеться в свое.

Нафин рассеянно взглянул на мятый ком и отрицательно покачал головой.

Он был смущен. Проспать так долго! Неудивительно, что Табхаир на него косо смотрит. Больше суток все здесь из сил выбивались, а он отлеживался! И, горя желанием сделать хоть что-то полезное, юноша предложил свою помощь Углету, сортирующему вещи из тюков на пригодные и непригодные.

– Да здесь уже почти ничего не осталось, – по-иссорийски ответил тот. – С этим я и сам справлюсь.

Потом он бросил осторожный взгляд на накупившегося Табхаира и добавил, как можно тише:

– Лучше пойди, поговори с ним. У брата большие подозрения на твой счет. Видел бы ты, что с ним сделалось, когда на тебе обнаружился Пояс Силы. С тех пор все время твердит нам, что к тебе необходимо будет присмотреться и, что этот Пояс нельзя надеть безнаказанно. Одинг пытался возражать, но разве Табхаира переспоришь! Они совершенно разругались из-за этого и окончательно перепугали людей, а я, хоть и пытался, ничего не смог сделать.

Нафин пожал плечами.

– Чуть какая-то! Я никаких перемен в себе не ощущаю. Вот только проспал дольше, чем когда-либо, а в остальном все, как обычно.

– И все же лучше будет, если ты с ним об этом поговоришь.

Юноша тяжело вздохнул и неохотно побрел к Табхаиру.

Старец делал вид, что не замечает его, но, когда Нафин приблизился, покосился испуганно и попятился.

– Нет, Табхаир, я так больше не могу! – в сердцах воскликнул юноша. – Что случилось?! Ты смотришь на меня, как жена Вигвина в Тангоре смотрела на собаку, которую смертельно боялась. Я что, окривел, оброс шерстью, или у меня выросли клыки, как у Фрегунда?! Ну, одел я Пояс Силы, и что с того? Ничего же не случилось! Вы все выбежали наружу, а я всего лишь хотел вытащить наши вещи. Пояс сам выпал мне в руки! Я даже подумать ни о чем не успел – просто нацепил его и выкинул наш узел...

– Странно, что он не улетел обратно в Шурупак, а то, что ни о чем не думал, как раз обычное дело! – прошипел сквозь зубы Табхаир. – Ты хоть немного представляешь себе всю мощь этой реликвии?! Полагаю, что нет, иначе ты бы к ней и пальцем не прикоснулся! Так вот я тебе расскажу! Древний абхаинский военачальник, как и ты нацепивший Пояс в минуту опасности, тоже не оброс шерстью. Просто, разгромив врагов, он развернул войско на мирную соседнюю страну, бессмысленно круша и сжигая все на своем пути. Тогданней валиде пришлось посылать целый отряд своих телохранителей, которым с большим трудом удалось связать «победителя» и снять с него Пояс. И тогда крепкий сорокалетний мужчина в считанные дни состарился и высох, как гнилой плод! Говорят, что, умирая, он буквально рассыпался в прах. Другим. Надевшим Пояс Силы, оказался обычный воришка, каким-то чудом забравшийся в сокровищницу валид. О-о, он вдоволь насобирал и золотых монет, и украшений, а потом... Уж и не знаю, как это получилось, но все это золото, словно чешуя, облепило его тело и стало вращаться в кожу. Его нашли по жутким крикам. Когда прибежавшая стража принялась снимать Пояс, воришка еще дышал, но был таким тяжелым, словно золото заполнило его и изнутри. Однако, едва Пояс был снят, все монеты и украшения с него осыпались на пол, а израненное ими тело обмякло на руках стражников, подобно тряпичному свертку! Даже подбородок и губы провалились, и единственное, что еще оставалось твердым – это верхняя часть головы. Как будто бы реликвия нарочно оставляла разум напоследок, чтобы казнимый ею человек до последней минуты осознавал, какую ошибку допустил!

– Но я же цел! – отчаянно крикнул Нафин. – Кости мои целы и кожа не повреждена! Но, даже если бы и были какие-то повреждения, то были бы они у меня! Тебе-то чего бояться?!

– А того, – рассердился Табхаир, – что, если б ты меня не перебивал, то услышал бы еще одну историю! Помнишь Скримюра? Так вот его предок, тот самый, что желал оживить дочь, похороненную в кургане Китиона, тоже надевал Пояс, но добился совсем не того, чего желал! То, что роа-радорги напали тогда на Абхию могло быть, конечно, результатом его тайных желаний, но могло быть и простым совпадением. Сам же Правитель Северных земель попросту помешался. Знаешь, где и как он умер? На кургане Китиона, который пытался раскопать своим мечом, считая, что его дочь ожила и не может сама выбраться! Всех же, кто пытался его урезонить, он попросту рубил этим самым мечом, пока его самого не хватил удар, и бедный Правитель не испустил дух на злосчастном кургане. Вот и думай теперь, чего нам бояться! Мало ли какое безумие поразит тебя!

– А что, разве не бывало такого, чтобы Пояс Силы надевали, и ничего не случилось? – угрюмо спросил Нафин.

– Нет, – отрезал Табхаир. – Не было, и быть не может! Таких чистых душ не бывает!

– Откуда тебе знать, – насупился Нафин. – Может, мою душу Пояс счел достаточно чистой.

– Увы, – развел руками старец. – И рад бы так думать, но не получается. Факты говорят об ином. Богиня Сохмат наложила на Пояс такое заклятие, которое дает силу только абсолютно чистой, лишенной корысти и злобы душе. И сила эта не физическая, а жизненная. Иначе говоря – бессмертие. При этом физической силы у человека не прибавляется. В противном случае надевший Пояс получает небывалую мощь, исполняются его самые тайные и дерзкие мечты, но лишь на короткое время. А потом Пояс его казнит, и казнит, как ты слышал, очень жестоко!

Табхаир перевел дух.

– А теперь вспомни, Нафин, как сам ты смог в одиночку отшвырнуть все наши вещи, да еще с привязанными бочонками, так далеко от корабля, что мы их еле нашли. А потом, играючи, вытащить из воды совершенно промокших Углета с Хамой и дотащить их до скалы. Мы тоже вытаскивали людей и знаем, насколько это тяжело. Если бы не Одинг я бы и с тобой ни о чем не справился. Разве это не доказывает, что Пояс наделил тебя физической силой?

– Ну, наделил...

– Верно! А еще это доказывает, что никакого бессмертия он тебе не дал и обязательно накажет за то, что ты им воспользовался!

– Нет, не накажет, – неожиданно раздалось возле них по-иссорийски.

Это Углет, который до сих пор лишь внимательно слушал Одингa, переводившего ему все, что говорилось, вдруг встал и подошел к Табхаиру.

– Мне кажется тут все дело в том, что Нафин ни о чем не успел подумать. Вернее, он подумал, но цель его была столь ничтожна, что Пояс этот, ... не знаю, можно ли так сказать, растерялся что ли. Корыстной такую цель не назовешь, а тайные желания Нафина скорей всего затмил испуг. Потом было крушение, а потом он заботился только о том, чтобы вытащить из воды людей и, в конце концов, потерял сознание. Может быть, если бы Пояс был на нем до сих пор, мы бы сейчас видели перед собой другого Нафина, но Пояс был вовремя снят, потому ничего и не произошло.

– Верно! – воскликнул Нафин, которому после слов Табхаира на мгновение стало нехорошо. – Углет прав! Я действовал неосознанно, и Пояс надел безо всяких задних мыслей! Так что можешь больше не дуться, Табхаир, ничего страшного ни со мной, ни с вами уже не случится!

Старец неопределенно пожал плечами.

– Что ж, может и так. В конце концов и абхаинский военачальник, и тот воришка, про которого я рассказывал, надевали Пояс не скрывая ни своей злобы, ни своей корысти. Но не забывай, что несчастный северянин надел его ради спасения своей дочери, и все равно поплатился за это.

– А еще неизвестно ради чего он его надел на самом деле, – подал голос Одинг. – За дочь нужно было бороться, когда она еще была жива, и не давать Суламе закапывать её в могилу заживо. Может быть, он Пояс надел больше из-за того, что хотел загладить свое малодушие? Вот за это и поплатился.

Табхаир поджал губы и отвернулся.

– Ладно, – буркнул он, спустя некоторое время, – будь по-вашему. Уговорили. Обошлось, так обошлось. – Он протянул Нафину руку. – Не перестаю удивляться твоему везению. Если все у нас завершится благополучно, можешь этим хвалиться без ложной скромности – ты первый, кто смог надеть Пояс Силы без последствий.

– Боюсь, на Сверкающей Вершине не найдется никого, кто это оценит, – вздохнул Нафин, пожимая протянутую руку.

Но тут со стороны дерева, под которым сидели люди, послышался протяжный стон, а затем сдавленный крик. Орели повернулись туда и увидели, что один из спасенных медленно заваливается на бок, а другой, видимо совсем обессиленный, никак не может его удержать.

Нафин первым кинулся на помощь.

В падающем человеке он сразу признал капитана их судна, а в другом – его помощника. Капитан был без сознания, и помощник с рыданием склонился над ним.

– Что случилось? – спросил юноша, поднимая упавшего под плечи. – Он ранен или это от голода?

– От жажды, – еле выдавил из себя помощник.

– Принесите воды! – крикнул Нафин старцам и спросил, хлопая капитана по щекам: – Вам же предлагали и еду, и воду, почему отказались?

Подбежавший Одинг протянул Нафину сосуд с водой и, пожимая плечами, ответил за помощника:

– Сам не знаю, чего они нас так боятся! Табхаир, конечно же, обвиняет во всем меня и говорит, что мне не следовало вот так сразу заявлять пришедшим в себя людям, что теперь о них позаботится Углет... Ладно, ладно, – поморщился он, увидев, что Нафин смеется, – теперь-то я, конечно, понимаю, что для них мой брат всего лишь Иссорийский Страх, ну а тогда я что должен был говорить?! Табхаир улетел спасать тебя, я собирался лететь ему помогать, оставались только Углет и Хама. Но не виноват же я, что первым делом вспомнил про брата, а не про какого-то чужого кавестиора!... Да и не в Углете, как выяснилось, было дело. Весь прошедший день и я, и Табхаир подходили к ним, предлагали еду, питье, а они все равно боялись. И ведь не говорят ничего! Только мычат и трясутся!

Нафин вопросительно взглянул на помощника.

– Почему?

Тот помедлил, жадно отпил из сосуда и, опустив глаза, ответил:

– Этот ваш коротышка сказал, что вы боги. Вон тот – абхаинский Табхаир, который испепелит нас, если мы не вернем Венец, которым коротышка расплатился, а это – радоргский Одинг, и он изрубит нас на куски, если вздумаем жаловаться...

Одинг захохотал, а Нафину почему-то показалось, что помощник капитана сказал совсем не про то, что их действительно испугало.

– Нет, ну каков пройдоха! – хохоча хлопал себя по бокам конунг. – И драгоценность себе вернул, и рты им позатыкал! Но ничего, пусть только вернется, я с ним поговорю.

Он посмотрел в ту сторону, куда, видимо, ушел Хама, и вдруг расплылся в довольной улыбке.

– А-а, вот и он! Очень кстати...

Одинг выпрямился во весь рост, угрожающе расправив крылья, но на этом все его действия и закончились. Даже издали по лицу кавестиора было видно, что произошло что-то нехорошее. Задыхаясь и без конца стирая с лица пот Хама подбежал ближе и выпалил:

– За лесом ничего больше нет! Мы на острове!

* * *

Как на острове?! – воскликнул Табхаир.

– А, что это такое? – спросил Нафин.

– На острове? – потерянно переспросил Одинг, не замечая вопросительного взгляда Углета.

– Да, на острове, – неожиданно подтвердил помощник капитана, и по его тону Нафин сразу понял, что именно этого так боялись люди. – Мы на самом гадком острове, который только можно себе представить. Боги, может быть, и сумеют спастись, но для всех остальных надежды нет.

– Что ты хочешь этим сказать? – надменно спросил Табхаир.

– Только то, что сказал, – грустно ответил помощник. – Этот Остров не отпускает людей живыми. Он – само Зло! Неужели вы ничего об этом не слышали?

Все отрицательно покачали головами.

Помощник посмотрел на них с недоверием.

– Странно. Вы – такие великие боги, с вами сам Иссорийский Страх – живое воплощение Зла, и вы ничего не слышали про этот Остров? Что ж, тогда я расскажу вам то, что знает каждый мореход в этих местах.

И он поведал всем под тихое бормотание Одингa, переводившего его слова Углету, что давным-давно, когда на земле еще не было людей, силы Добра и силы Зла решили поделить мир. Силы Добра забрали себе Свет, а силы Зла – Мрак. Долгое время они сосуществовали бок о бок, пока на земле не появилась жизнь и первые люди. Очень скоро люди научились добывать огонь и с его помощью рассеивали Мрак. И тогда силы Зла обратились к силам Добра с требованием восстановить равновесие. Требование их было удовлетворено. Силы Добра позволили силам Зла забрать в безраздельное владение морские глубины. Но мстительное Зло не могло простить людям победы над Мраком, и стоило хоть какому-нибудь утлону суденышку отойти от берега, как поднимались высокие волны и уничтожали его. Но Злу и этого показалось мало. Ненавидя людей все больше и больше, оно стало поднимать совсем уж гигантские волны и смывать с берегов все людские поселения.

Теперь уже люди обратились к силам Добра, прося защиты.

Те откликнулись, запечатали светом водную гладь, и с той поры началась великая война Добра со Злом.

На какие только ухищрения ни шли каждая из сторон, чтобы одержать победу, но перебить не удавалось никому, и какой бы непроглядный мрак не напал на землю, свету всегда удавалось найти лазейку и развеять его.

Наконец, силы Зла решились на последнее. Собравшись воедино в морских глубинах, они обернулись ужасным чудовищем, которое всплыло на поверхность, подняв на себе часть суши, и мгновенно поглотило весь свет небесный и земной. Тут же восстали освобожденные черные волны, вздыбились, подобно горам и понеслись по земле, смывая с неё все живое.

Но и Добро не дремало. Оно тоже собралось воедино все свои силы, образовав ослепительную разящую молнию небывалой силы. Она пробила плотные тучи над чудовищем и поразила его прямо в голову.

Страшный хаос начался в ту же минуту! Свет и Мрак перемешались в открытой борьбе, но чудовище, к счастью, уже было мертво. Расколотое на несколько частей оно разлетелось по всему миру, разбросанное в последней агонии беснующимися черными волнами.

А потом все стихло. Добро и Зло растратили свою мощь в этом последнем усилии, и снова воцарилось равновесие. Однако мертвые останки чудовищного порождения Зла остались до сих пор, и этот Остров – один из них.

– Самая голова! – страшным шепотом сообщил помощник капитана, опасливо озираясь вокруг. – Пасть в воде, те камни, что торчат над ней – носовые рога, эти скалы – уши, а мы стоим на затылке!

Все невольно обернулись. Действительно, высокие скалы, ограничивающие плато со стороны кораблекрушения, очень напоминали близкие посаженные уши, да и те камни, которые упомянул помощник, помнятся, и в самом деле, выпирали из воды очень уж симметрично.

– В остальных частях чудовища зла не осталось, – продолжал рассказчик, – но в голове оно умерло не до конца. Говорят, раньше Остров свободно плавал по морю, но потом Зло снова стало набирать силу, пустило корни и теперь намертво зацепилось за морское дно. Сюда оно затягивает корабли, топит их, а людей пожирает и тем самым познает их суть! А потом, под покровом ночи, по всей земле расползается Мрак, посланный отсюда. Он ищет наиболее слабых и податливых людей, проникает в них и так может существовать даже при Свете. Зло надеется снова возродиться, и сила его крепчает! Потому-то сюда никто не плавает по доброй воле. В самые темные ночи моряки, проплывающие далеко от Острова слышат отголоски стонов и жутких криков. Им страшно даже представить, что тут в такое время творится, и они спешат поскорее убраться! Уж не знаю, чьей злой воле мы обязаны тем, что сбились с курса в ту грозную ночь, но лучше, наверное, было бы, если б мы погибли. Когда капитан Чар очнулся и понял куда попал, то сразу сказал мне: «это самый худший конец жизни, какой только можно себе представить!». А тут еще и коротышка этот со своими запугиваниями... Короче, вся надежда теперь только на чудо. На то, что великие боги захотят в своей неизмеримой доброте и милости спасти нас...

Помощник капитана умолк, а Хама немедленно повалился в ноги Табхаиру.

– Смилуйся, Всемогуший! Верни нас хотя бы в Шурупак!

Табхаир раздраженно передернул плечами и отвернулся, всем своим видом давая понять, что не верит глупым сказкам. Тогда Хама перевел молящий взор на Одинога. Но тот, неловко потоптавшись, опустил голову и тихо произнес:

– Раз уж так вышло, ... раз мы тут вот так все вместе застряли, то я должен признаться, что мы не боги. Наши народы считали нас таковыми из-за крыльев и из-за того, что мы попали к ним каким-то невероятным, чудесным образом. Углету, впрочем, повезло меньше, хотя и его наделили невероятными способностями. Но на самом деле мы просто орели – крылатые обитатели Сверкающей Вершины, на которой никогда не были. Сто лет мы прожили ничего такого о себе не зная, но недавно этот юноша, – он указал на Нафина, – прилетел за нами и все рассказал... Это очень долгая история... Мы все оказались братьями, и теперь пришла пора нам объединиться, чтобы вернуться к своим истинным сородичам.

Он с виноватым видом посмотрел на помощника капитана, потом на хватающего ртом воздух Хаму и развел руками.

– Значит, конец, – тихо подвел итог помощник.

В отличие от Хамы рассказ Одинога его не слишком потряс.

– Все верно, – прошептал он. – А то я все удивлялся, как это Остров посмел посягнуть на таких великих богов. Но теперь понятно...

И бережно забрав у Нафина все еще бесчувственного капитана, уложил его на траву со словами:

– Может и лучше будет, если он больше не придет в себя. Скорая смерть – легкая смерть... Этот обломок Зла ненавидит людей, как все оно вместе взятое, и ни за что нас не отпустит.

– Нет! – воскликнул Нафин, вскакивая на ноги. – Мы не должны погибнуть здесь! Это неправильно! Говоришь, Остров ненавидит людей и не отпускает их, ну так я и не человек! Я орель! Во мне достаточно сил, чтобы полететь сейчас же и поискать берег. Там найду какой-нибудь корабль, уговорю капитана... В конце концов остались же еще на земле отчаянные люди!

Он сорвался с места и побежал к обрыву над морем, а старцы и Хама поспешили следом, окрыленные внезапно появившейся надеждой.

– Стойте, стойте, – донеслось до них сзади.

Все обернулись. Помощник капитана, прихрамывая, бежал за ними.

– Это невозможно, – сказал он и перевел дух. – До берега очень далеко, ты только зря растратишь силы, если вообще сможешь вернуться, когда поймешь, что долететь нельзя. Но даже если случится чудо, и твои крылья окажутся достаточно сильны, все это все равно будет бессмысленным. Сюда никто никогда не поплывет. Ни один капитан не согласится вести судно к Проклятому Острову.

– Чушь! – отрезал Табхаир. – Я в эти сказки не верю! За те драгоценности, которые мы можем предложить, сюда приплывет десяток кораблей.

– Нет, нет! Не надейтесь...

– И все-таки я попробую, – решительно сказал Нафин.

Он подошел к самому краю, расправил крылья и поднялся в воздух.

Все, затаив дыхание, следили за его полетом. Очень скоро юноша стал похож на большую птицу, потом превратился в крохотную точку и, наконец, затерялся в бескрайней выси.

– Вот видишь, – облегченно произнес Одинг, – Остров отпустил Нафина.

– Этот мальчик знает, что делает, – веско заметил Табхаир. – Он долетит.

Но помощник капитана только безнадежно махнул рукой.

– Нет, нет, ты тоже должен в него верить! – воскликнул Одинг. – Знаешь, какой Нафин ловкий! Про этого мальчика в Радоргии уже наверняка сложили не одну легенду, и, клянусь Индрасилем, он это заслужил. Вот подожди, будем плыть отсюда, я тебе порасскажу про него... Он на берегу такое придумает, что любого убедит. Еще и сказку твою приплетет. Скажет, например, что силы Добра послали его, чтобы сокрушить последнее Зло и попросит кого-нибудь помочь сюда добраться...

Тут бывший конунг запнулся и с тоской посмотрел на Табхаира. Но старец, вопреки ожиданию, не посмеялся над очевидной глупостью, сказанной братом, и даже не хмыкнул, как обычно. Просто пожевал губами, медленно развернулся и задумчиво побрел к тому месту, где были разложены спасенные вещи.

– Да, невеселые у нас дела. – Одинг печально посмотрел на Углета и только тут спохватился, что ничего ему не переводил. Но старик покачал головой, давая понять – особые разъяснения тут не нужны.

Хуже всех выглядел Хама. На долю бедного кавестиора выпало за каких-то два дня столько потрясений, сколько не выпадало за всю его расчетливую жизнь! Сначала он нос к носу столкнулся с Великим Табхаиром, который, в итоге, действительно оказался самозванцем! Но это волновало Хаму сейчас меньше всего. Бог, не бог – какая разница! Главное, что он, всегда так тонко чувствующий выгоду, совершенно неожиданно просчитался. Вместо того, чтобы поддержать, хоть и ненавистного, но набравшего силу Шапура, проявил бездну изворотливости, потратил огромное количество своих средств, сбежал, и все для чего? Чтобы оказаться на острове, с которого невозможно выбраться! А самым обидным было то, что и украденные из Тангора сокровища, заботливо припрятанные в карманах широкого пояса под одеждой,

и драгоценный Венец валид, так кстати отобранный у капитана, были здесь абсолютно бесполезны! В то, что Нафин долетит до какого-нибудь берега Хама не верил и, едва юноша скрылся из вида, сразу вычеркнул его из списка живых. В старую легенду тоже не слишком верилось, но в то, что из-за неё сюда никто не поплывет, верилось очень и очень! Помощнику капитана что? Он, похоже уже смирился с необходимостью умереть, а вот кавестиор приходил от подобной мысли в ужас. Потому и метался несчастный Хама по плато, в отчаянии заламывая руки.

Одинг посмотрел на него и, несмотря на то, что еще совсем недавно собирался хорошенько пристыдить предприимчивого кавестиора, только махнул рукой. Вот если Нафину удастся привести какое-нибудь судно, тогда этого пройдоху придется хорошенько порастрясти. А пока пусть бежит. Пусть хоть с головы до ног обрастет сокровищами – никому это неинтересно.

Тут у дерева, под которым лежал капитан, почудилось шевеление, и слабый голос принялся звать:

– Нерт, Нерт!

– Капитан Чар! – воскликнул помощник и бросился к нему.

Остальные тоже подошли.

– Вы живы, капитан, – сочувственно говорил Нерт, поднося к губам своего начальника сосуд с водой. – Живы, но я не знаю, радоваться мне за вас, или огорчаться.

Мутные глаза капитана немного ожили, и он обвел взглядом столпившихся рядом старцев и Хаму, жмущегося за их спинами.

– Боги нам не помогут? – спросил он у помощника.

– Нет, капитан. Они не совсем те, за кого мы их приняли. Не боги. Просто крылатые люди, которые шли к своему народу и перед Островом бессильны так же, как и мы.

Чар опустил голову и оттолкнул сосуд, из которого только что жадно пил.

– Будь проклят тот день, когда я позарился на сокровище этого коротышки, – прошептал он горестно. – Ведь знал же, что нельзя, но нет!... Проклятая алчность! Взял и поплыл!

– Я так и знал, что во всем обвинят меня, – зло проворчал Хама, которого окончательно взбесило, что все называют его «коротышкой».

Нерт хотел что-то ответить, но ограничился только гневным взглядом и снова обратился к капитану.

– Тут кое-что произошло, Чар. Юноша, который был с богами... Ну, то есть с крылатыми старцами..., так вот он улетел искать берег, и Остров его отпустил! Кто знает... Здесь все в него так верят... Может быть, случится чудо?...

Капитан, без особой надежды снова посмотрел на старцев.

– А плавать ваш юноша умеет?

Одинг с Табхаиром переглянулись.

– Не знаю, – пожал плечами Табхаир. – Но вряд ли ему придет в голову поплавать. С намокшими крыльями потом никак не подняться.

– Тогда не долетит, – Чар закрыл глаза и отвернулся. – Даже птицы садятся на воду, чтобы передохнуть. Он просто выбьется из сил, упадет в море и утонет.

Одинг невольно обернулся и с тревогой посмотрел в ту сторону, куда улетел Нафин.

– Может зря мы его отпустили, – пробормотал он. – Мальчик упрямый. Будет лететь до последнего, а потом не сможет вернуться...

Табхаир тут же вышел из себя.

– Ничего не зря! – закричал он. – Нафин не какая-то птица! Он молодой и сильный! Вот на тебя, трусливый конунг, я бы не понадеялся, а он долетит! Долетит и спасет всех нас!

Одинг побагровел. Щеки его сердито надулись, здоровый глаз засверкал гневом, а руки сами собой потянулись к поясу, где обычно висел меч.

– Трусливый конунг?! – зашипел он. – Вот сейчас я тебе покажу, какой я трусливый! Сам побежишь, подобно зайцу!

Но тут между братьями встал Углет и неожиданно воскликнул по-абхаински:

– Не делать это! Зло не надо! Я еще плохо учи абхаинский, но хотеть понимать... нет, сказать для вас – не надо звать зло оттуда. Плохо это, беда!

Он указал себе под ноги и укоризненно покачал головой.

Старцы уставились на Углета, а капитан мрачно заметил:

– А ведь ваш товарищ прав. Зло под нами, и оно чувствует и наш испуг, и нашу ненависть. Сейчас чудовище сыто – оно сожрало мой корабль и моих людей, – но, когда снова проголодается, то примется за нас. Оно заставит рассориться, возненавидеть друг друга, а, когда мы сами себя поубиваем, впитают наши почерневшие души.

– Откуда такая осведомленность? – не удержался от сарказма Табхаир. – Неужели очевидцы порассказали, или ты сам уже бывал здесь?

Но капитан только взглянул на него и горько усмехнулся. Ответил же за Чара Нерт:

– Ты всю жизнь прожил, как бог, Табхаир, поэтому можешь и не знать, сколько зла собралось сейчас на земле, и как оно действует на людей. Стоит спуститься ночи, и в слабых смертных душах начинают просыпаться пороки, которые спешат завладеть человеком пока царствует Мрак. И, чем слабее, чем податливее смертный, тем крепче эти пороки завладевают им. А потом и Зло проникает в мир через такого человека даже при свете дня! Мы часто видели подобное, поэтому ни мне, ни капитану Чару не нужно было плыть именно сюда, чтобы узнать, как может уничтожить Зло. Сначала неприязнь и раздор, потом открытая вражда и, наконец, желание уничтожить друг друга.

Табхаир недовольно нахмурился, а Одинг вдруг согласно закивал.

– Верно, верно! Вот нас, роа-радоргов, вечно все не любили и без конца принуждали к открытой вражде. А потом выходило, что...

– Постой! – резко оборвал его Табхаир. – Взгляни-ка, что это с Углетом?

Старик бежал по плато к самому обрыву и не отрывал глаз от какой-то точки на небе. Все, даже шатающийся от слабости Чар, поспешили за ним и сразу поняли в чем дело. Темная точка в вышине быстро превратилась в большую птицу, а потом стало видно, что это возвращается Нафин.

Юноша летел тяжело, из последних сил взмахивая крыльями. Его голова и руки бесильно повисли, и, едва ступив на землю, Нафин рухнул, как подкошенный.

– Я не долетел, – прошептал он пересохшими губами. – Очень тяжело... Берег видел, но он далеко... на самом горизонте... Не добраться... А вокруг только вода, вода, вода...

И, закрыв глаза, потерял сознание.

* * *

До самого вечера несчастные жертвы кораблекрушения почти не разговаривали между собой. Оттащив Нафина в тень и, кое-как приведя его в чувство, все сели рядом на землю в глубокой задумчивости.

Положение складывалось отчаянное.

По словам Нафина выходило, что долететь до берега невозможно; по словам Нерта – что ни один корабль к Острову и близко не подплывет, так что, как ни крути, а грозила им неминуемая смерть, или от Острова, который по убеждению Чара скоро должен «проголодаться», или они сами, оголодав, подберут все съестные припасы и умрут без пищи и воды.

А с наступлением темноты в голову полезли всякие страшные мысли, навеянные рассказом Нерта. Да еще на небо напозли тучи, и поднялся страшный ветер, так что даже самые неверующие и скептически относящиеся к древней легенде начали боязливо озираться вокруг.

Огромные толстые листья, свисающие с деревьев, полоскались на ветру точно тряпичные лоскуты; мохнатые стволы гнулись до самой земли, и холод охватил путников, леденя не только тела, но и души.

Спасаясь от ветра, они кое-как перебрались поближе к скалам и забились в неглубокую нишу, но страхов это не убавило. Чем глубже становилась ночь, чем сильнее дул ветер, тем явственнее слышался им в грохочущем прибое рев пробуждающегося чудовища. А, когда от сильных порывов казалось, что и сам Остров содрогается, все начинали испуганно смотреть себе под ноги, ожидая, что земля вот-вот разверзнется и поглотит их.

Но вскоре ветер задул послабее. Деревья гнулись и шумели уже не так угрожающе, с посветлевшего на востоке неба начали сползать последние обрывки туч, и, когда первые лучи еще тусклого солнца скользнули по успокаивающемуся морю, отступили и ночные страхи.

– Ну вот, кажется, мы пережили эту ночь, – стараясь выглядеть, как можно бодрее сказал Табхаир.

Он выбрался из ниши и осмотрелся, прислушиваясь к плеску волн, в котором больше не слышался рев чудовища. Остальные тоже выползли наружу, радуясь начавшемуся дню и тому, что все они всё еще живы.

– Что-то я проголодался! – Одинг крепко потянулся всем телом и расправил крылья. – Ночка выдалась не из легких. Даже не припомню, когда бы я еще чувствовал себя так скверно. Ни один бой не отнимал у меня столько сил! Эх, сейчас бы мяса, да побольше! Спросите любого роа-радорга, что делал Одинг после сражения, и вам сразу же ответят: ел.

– Ты и без сражений поест не дурак, – тут же проворчал Табхаир, но и по его лицу, и по лицам всех остальных было видно, что и они не прочь подкрепиться.

Однако, когда достали припасы и разделили их, отступившее было уныние снова вернулось.

– Похоже, мы не того боялись, – задумчиво сказал Табхаир, дожевывая последние крошки. – Этот остров, скорее всего, обычный кусок суши, и зла в нем не больше чем в Углете, которым тоже пугали всех подряд. Но вот от голода мы умрем – это точно. Той еды, что осталась, не хватит даже до вечера, а новую взять негде.

Все понуро опустили головы, и только Углет что-то тихо заговорил Одингу по-иссорийски. Тот уныло выслушал, а потом спросил Хаму:

– Углет хочет знать, что ты видел, когда осматривал Остров?

– Да ничего, – ответил кавестиор. – Там дальше только лес и скалы, такие же, как здесь. Я прошел почти до другого берега, но не видел никакой живности. Здесь даже птицы не летают. Боюсь, сиятельный Табхаир поторопился с выводами, и Зло на Острове все-таки есть.

Старец гневно взглянул на коротышку, но тот вдруг вспомнил что-то и радостно воскликнул:

– Зато я видел воду! Родник! Он совсем недалеко отсюда. Я пил из него, и вода там не соленая!

– Это хорошо, – оживился капитан. – Без пресной воды мы бы даже с едой долго не протянули.

– Вот видите, – назидательно заметил Табхаир. – Если бы Остров этот был злом, то и родника на нем бы не оказалось. И я совершенно убежден, что кроме голода нам здесь больше ничто не угрожает.

– Нет, нет! Голод – нет! – замахал руками Углет.

Похоже, за время странствий, он достаточно наслушался от братьев и Нафина абхаинской речи, и теперь пытался высказывать свои мысли без посторонней помощи.

– Я жил в лесу и помнить – еда повсюду! Одинг со мной идем искать. А, когда найти, то жить сколько нужно!

– Верно! – воскликнул Нерт. – Помните, капитан, когда проклятые Крессовы пираты захватили судно старины Цага, один из его людей доплыл до какого-то острова и прожил там столько, что луна успела родиться трижды. Он рассказывал, что ел какие-то корешки и листья, а потом его подобрала проплывающая мимо купцы. Помните?

Чар кивнул.

– Помню, было такое. Может, действительно, не стоит нам бояться этого Острова. В море полно рыбы, нужно только придумать чем её ловить. Да и к деревьям этим стоит присмотреться – стволы у них, похоже, крепкие, может получится неплохой плот. И, если почтенные старцы позволят воспользоваться их мечами, которые, как я приметил, не утонули, то можно попытаться и уплыть отсюда.

– Позволят, позволят, – поспешно ответил за всех Табхаир, видя, что Одинг вот-вот хватит удар.

– Роа-радоргские клинки! – простонал бывший конунг. – Разорви меня Фрегунд, что же с ними станет после этого!

– Ничего, ничего, – похлопал его по плечу Табхаир, – там, куда мы идем, они тебе вряд ли понадобятся, а как воспоминание, после всего этого, только лучше будут.

На том и порешили. Одинг с Углетом и Хамой отправлялись в лес, чтобы набрать в сосуды воды и поискать, что там может расти съедобного, а Нерт с Чаром должны были найти среди спасенных вещей что-нибудь пригодное для рыбной ловли. Табхаир ото всех дел отвертелся.

– Лучше мы с Нафином пойдем осмотрим берег с той стороны куда Хама не ходил, – заявил он тоном, не допускающим возражений. – Вдруг там окажется еще что-то полезное, выброшенное с нашего корабля.

Юноше стало неловко. Он прекрасно понимал, что упрямый старец навеки присвоил ему звание некоего чудесного талисмана и теперь всеми силами старается заставить этот «талисман» работать. Пока они спускались к морю по ту сторону прохода, Нафин пытался втолковать Табхаиру, что его везение просто везение, и ничего общего с чудом не имеет, но тщетно.

– Ты глупый мальчик, – не оборачиваясь, ответил Табхаир, шествуя впереди в лохмотьях так же важно, как если бы шел по Тангору в своем прежнем сверкающем великолепии. – Везение и чудо – одно и то же. А у тебя оно совершенно особенное. Если бы мне месяца три назад сказали, что какой-то мальчишка уведет меня из моего святилища, и вообще из Абхии, я бы и слушать не стал. А, если бы еще добавили, что тот же самый мальчишка уведет от роа-радоргов их конунга, а из Иссории, страшно сказать, самого Углета, то я бы решил, что говорю с сумасшедшим. Но ты все это сделал. У тебя все получилось даже там, где вообще ничего получиться не могло! Скажешь, это не чудо? Чудо. И я уверен, что если ты что-то начнешь искать на этом острове, то найдешь не еду, не воду, не снасти, а именно то единственное, что позволит нам отсюда выбраться.

Нафин тяжело вздохнул. Ладно, он поищет. Поищет хотя бы для того, чтобы доказать Табхаиру всю несостоятельность его веры.

Они как раз спустились к тому месту у воды где, по словам Нерта, находилась пасть чудовища.

– Смотри-ка, действительно похоже, что они растут на носу, – сказал Табхаир, рассматривая торчащие из воды каменные обломки. – Я видел подобных чудовищ на коврах, которые купцы привозили из Горного края.

– А это где такое? – спросил Нафин.

– Да, похоже, прямо под твоей Сверкающей Вершиной. С одной стороны Абхия, а с другой – Горный край или Мэда, как его у нас называли. Через горы их купцы, конечно, ходили, но слишком уж высоко и опасно. Лучше морем до Шурупака. А оттуда до Абхии, сам знаешь,

рукой подать. Вот только пираты их очень донимали. Бедняги торговцы уйму даров нанесли в мой храм, чтобы я избавил их ото всей этой злодейской братии, но что я мог поделаться?

– Пираты? – переспросил Нафин. – А это еще кто?

– Разбойники, – беспечно ответил старец, – только промышляют они на море. Догонят какой-нибудь корабль, ограбят до нитки и потопят, а всех, кто был на нем непременно убьют. Для острастки.

– Ужас какой!

– Да, неприятно.

Табхаир обернулся и, задрав голову, посмотрел на скалы.

– Ну надо же, и на уши поразительно похоже! Я вот только одному удивляюсь, почему это люди, заметив сходство острова с мордой зверя, не придумали про него чего-нибудь более веселого? Мы бы тогда не сидели здесь, предаваясь тупому отчаянию, а спокойно дожидались, когда нас заберет какое-нибудь судно. Почему сразу нужно насочинять нечто ужасное? Можно же было, скажем, предположить, что это голова собаки, преданной и верной, или, пусть чудовища, но какого-нибудь безобидного... Откуда такая тяга к ужасам? Или, может быть, Нерт был прав, говоря, что Зло проникает в мир через людей, используя их страхи? Нужно будет поразмыслить над этим как-нибудь, да? Что ты молчишь, Нафин?

– Я не молчу. Я вот тут смотрю, что у этого чудища и глазницы есть.

– Где?

Старец встал рядом с юношей и тоже увидел возле переносицы воображаемого зверя темный провал пещеры.

– Интересно, а с другой стороны тоже есть такое? – спросил он.

– Сейчас проверим.

Нафин двинулся было с места, но Табхаир его удержал.

– Подожди, давай сначала заглянем сюда.

Подобрав одежды, орели по мелководью дошли до пещеры и заглянули внутрь. Ничего интересного они не увидели. Пещера, как пещера. Невысокая и неглубокая, по крайней мере в той её части, что не была затоплена водой. Может внизу и простиралась бездонная пропасть, но проверять это не хотелось.

– Ладно, пойдем посмотрим другую, – сказал Табхаир.

Они довольно быстро перебрались через клинообразный мыс между «ушами» и спустились на другую сторону. Пещера там тоже была, но вода затопила её не так сильно, как первую. Освещенное солнцем дно хорошо просматривалось, и, когда орели ступили на него, из-под их ног, взметнув ил, прыснула стайка серебристых рыбешек.

– Ой! – Нафин испуганно вскрикнул, не удержал равновесие и боком повалился на стену пещеры.

Он почувствовал, как что-то твердое, похожее на рукоять меча, ткнулось ему под ребра, но тут же со скрежетом опустилось вниз. И сразу, следом за этим, визгливо скрипя на проржавевших петлях, дальняя стена пещеры медленно стала раскрываться.

– Что это?! – прошептал Нафин.

– А это то самое и есть, о чем я говорил! – ликуя воскликнул Табхаир. – Ты везунчик, мальчик! Мы могли бы день за днем ходить тут с Одингом или Углетом и ни за что бы не догадались, что в этой пещере есть тайник! А ты даже войти толком не успел, и, нате вам, пожалуйста!...

Он радостно подпрыгнул и хлопнул в ладоши, забыв на мгновение о своем обычном величии.

– Все-таки я молодец и в людях разбираться умею!

Нафин потряс головой. Ему показалось, что все это снится.

– Ты что, знал про эту пещеру?

– Конечно же нет, бестолковый ты юнец! Я знал только то, что ты обязательно что-то должен найти, и ты нашел! А теперь, давай, скорее, посмотрим, что же там есть! Но прежде...

Он подбежал к Нафину, расплескивая воду и, отодвинув его от стены, принялся внимательно её рассматривать.

– Так я и думал, – пробормотал старец, – механизм вроде того, что был у меня в святилище. Нужно будет его закрепить чем-нибудь и проверить есть ли внутри такое же устройство.

Он поискал вокруг, выбрал подходящий камешек и вставил его в длинную узкую щель, из которой торчало некое подобие рычага. Видимо, когда-то он был сделан из металла, но теперь совершенно проржавел и мало отличался от скалы.

– Не знаю, что за идиот додумался соорудить подобный механизм именно здесь, – сказал Табхаир. – Еще немного времени, все это превратится в труху и перестанет работать. Но, как бы там ни было, а пока оно действует и, значит, нам снова повезло! Идем же, Нафин, посмотрим, что ты для нас отыскал.

Старец без страха прошел в двери. Нафин, опомнившись, поспешил следом, и оба оказались в огромном круглом пространстве со сводчатым потолком и гладкими стенами. Пол здесь выступал из воды словно невысокая горка, а на самом его верху стоял небывалых размеров сундук.

– М-да, – пробормотал Табхаир, потирая подбородок, – я бы, конечно, предпочел, чтобы здесь оказалась ладья, или что-то в этом роде, но и сундук тоже может оказаться полезным. Посмотрим, что в нем.

Он легко взобрался по горке, осмотрел крышку. Никаких запоров не было. Тогда, вместе с Нафином, они потянули за две бронзовые ручки наверху и, не без труда, раскрыли таинственный сундук. Нафин тут же заглянул внутрь, но в следующее мгновение разочарованно отступил.

– Сокровища, – бросил он презрительно. – Более бесполезную вещь трудно было отыскать.

– Глупец! – восхищенно глядя в сундук, сказал Табхаир. – Раз сокровище сюда кто-то привез, то этот «кто-то» за ним и вернется! Или заберет, или пополнит, или просто захочет убедиться, что все цело. Но в любом случае один корабль к этому острову уж точно приплывет!

– А может тот, кто привез сюда сундуки давно мертв, – возразил Нафин.

Старец на мгновение растерялся, но, осмотрев сундук внимательнее, удовлетворенно хмыкнул.

– Нет, Нафин, он не мертв и был здесь сравнительно недавно. Смотри, крышка оставляет на оковке короба царапины. Вот эти, самые яркие, сделали мы только что; вот эти, еле заметные, сделаны давно, а вот эти, посмотри, посмотри, эти еще даже не успели потемнеть.

Нафин нагнулся пониже.

– Ну, не знаю. Я в этом ничего не понимаю, но раз ты говоришь, значит, наверное, так и есть.

– Да конечно же! Сюда обязательно кто-нибудь приплывет! В жизни не поверю, чтобы этакое сокровище оставили без должного присмотра. Его сюда не один десяток лет свозили... Одного не пойму, как смогли доставить такой сундучище? Просто умельцы какие-то! Хотя, возможно, что корабль нашего капитана Чара не самое крупное судно на свете, и есть корабли способные перевозить этаких гигантов да еще и набитых такими вот ценностями.

Табхаир поднял лежащее наверху широкое ожерелье и залюбовался игрой драгоценных камней, украшающих его.

– А что если эти сокровища спрятали здесь те самые,... как ты их там назвал?... Пираты? – испуганно спросил Нафин.

– Вероятнее всего, – небрежно кивнул Табхаир.

– И ты так спокойно об этом говоришь?! – воскликнул юноша. – Да тогда нам от этих побрякушек одна беда! Представь, приплывет корабль битком набитый разбойниками, которые с нами и разговаривать не станут! Им проще будет ограбить нас и убить, чем везти в какую-то Уиссу!...

Табхаир в сердцах бросил ожерелье обратно в сундук и укоризненно уставился на Нафина.

– Я что, по-твоему, идиот и сам этого не понимаю? Конечно, за просто так они нас не повезут, но вот за эти сокровища не только доставят куда надо, а еще и пылинки будут с нас сдувать. Мы же не оставим все это здесь, а перепрячем в другое место, о котором сообщим только на берегах Уиссы, когда будем в полной безопасности. – Старец весело усмехнулся. – Интересно, кто-нибудь, когда-нибудь покупал себе спасение за такую дорогую цену?...

– Не знаю, – буркнул Нафин. – но что-то мне в этом твоём плане не нравится.

– Это от того, мой мальчик, что ты плохо разбираешься в людях, – заметил Табхаир и принялся рыться в сундуке.

Вдруг он наткнулся на что-то, замер и потянул на свет нечто похожее на высокую шапку, или, скорее, на ведро без дна.

– Корона ваннаанских царей, – прошептал он потрясенно. – Это же... это же даже не знаю, что и сказать! Клянусь собственным именем, меньше всего ожидал найти здесь именно её!

– Это корона? – спросил Нафин, с некоторым сомнением глядя на «ведро», украшенное ровными рядами самоцветов.

– Еще какая!

Табхаир торжественно водрузил «ведро» себе на голову и блаженно закрыл глаза.

– Тяжелая. Но тяжесть, знаешь ли, такая приятная. Нынешние ваннаанские князья пол-страны отдадут за то, чтобы вернуть её обратно. Эту корону украли прямо из гробницы древнего царя Сона, когда я был еще мальчиком. И с тех пор на Ваннаану валяются беда за бедой. У них даже царя не осталось. Последнего свергли его же советники, и теперь всеми делами в стране заправляют князья, которые разделили её точно пирог. Само собой, ничего хорошего из этого не вышло, да и соседи не дремали. Мой любезный братец Одинг, который так любит порассуждать о справедливости в отношении исконных земель, вместе с Бором оттяпал себе приличную территорию. И могучее государство Литиайя с другой стороны покорило немалую часть Ваннааны. Местное население, конечно же, сразу увязало все это с потерей короны... Но, постой... Если она здесь, то и перстень тоже где-то должен быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.